

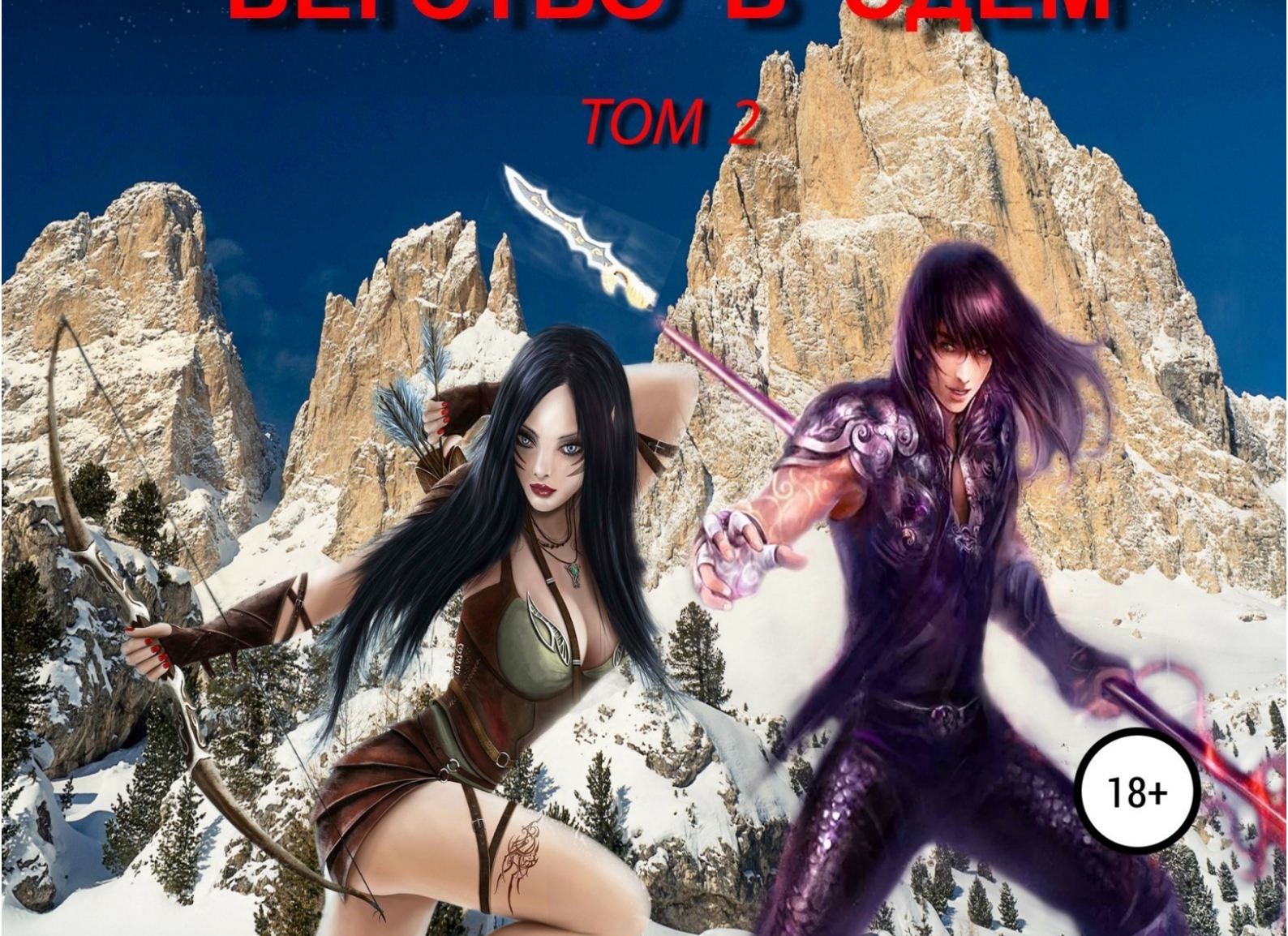
ЮРИЙ КИСЕЛЕВ

ЛЕСТНИЦА БОГА

Ступень 5

БЕГСТВО В ЭДЕМ

ТОМ 2

18+

Юрий Киселев

**Лестница бога. Ступень
5. Бегство в Эдем. Том 2**

«ЛитРес: Самиздат»

2017

Киселев Ю. Л.

Лестница бога. Ступень 5. Бегство в Эдем. Том 2 /
Ю. Л. Киселев — «ЛитРес: Самиздат», 2017

Юность, учёба, первая любовь... И неотвратимая гибель, которую несёт молодому капитану звездолёта из обычного имперского клана встреча с пиратской эскадрой. Что подарит ему благосклонность богини смерти? Приключения? Любовь? Вечную жизнь? Или смерть?..ISBN: 978-5-6040580-5-3

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	17
Глава 3	28
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Глава 1

Отступление первое. Окаана, резиденция клана Торуга...

– Госпожа, представившаяся Линнеей незнакомка вновь приходила к вам на аудиенцию и, прождав не более десяти нун, развернулась и ушла из здания, оставив на столе секретаря запечатанный конверт с пометкой «лично в руки матриарху». На этот раз все средства видеонаблюдения работали в штатном режиме и зафиксировали выход посетительницы из резиденции на улицу. Покинув здание, девушка проследовала к остановке общественного транспорта, воспользовавшись которым, переместилась к ближайшему порталному комплексу. Дальнейший след сопровождаемого объекта мои подчинённые потеряли.

– Вы хотите сказать, что служба безопасности клана не смогла узнать конечной точки телепортации контролируемого вами объекта?

– Затребованные нами протоколы перемещения не отразили перехода именуемого Линнеей человека.

– То есть как – не отразили? – сквозь похожее на маску лицо матриарха, обычно бесстрастное, неожиданно пробилося удивление.

– Девушка прошла арку телепорта и просто исчезла, госпожа. Конечная точка прибытия не задана, момент перехода не зафиксирован, энергия на переход не потрачена.

– Но раз девушка исчезла, значит, она куда-то всё же переместилась?

– Совершенно верно, госпожа. Но, если вы не забыли, объект и раньше с лёгкостью перемещался прямо из здания нашей резиденции, стационарные имперские порталы для этого ему были не нужны.

– Зачем же она воспользовалась порталом сейчас? Какие-нибудь мысли по этому поводу у вас имеются?

– Имеются, госпожа. Аналитики службы безопасности даже выдали наиболее вероятный прогноз действий объекта – Линнея сознательно оставила в рабочем состоянии средства видеонаблюдения и специально прошла пешком до самой остановки транспорта, чтобы показать нам... Хм...

– Вас смущает формулировка?

– Нет, госпожа. Аналитики считают, что имеющаяся у нас на руках видеозапись формально не позволит нам обвинить именующийся Линнеей объект в очередных загадочных смертях наших людей.

– Вы имеете в виду предрекаемую объектом смерть десяти людям Торуга в случае, если очередная аудиенция не состоится? Как я понимаю, кто-то уже умер?

– В течение нескольких нун после выхода Линнеи из резиденции умерло ровно десять человек, занимавших достаточно важные посты в клане. Все смерти вызваны абсолютно естественными причинами. Формально связать их с личностью Линнеи мы не можем – в это время девушка находилась на виду у множества людей, перемещаясь в общественном транспорте в направлении порталной станции. Имеются записи видеокамер и показания многочисленных свидетелей.

– Но я приказала вам круглосуточно держать в резиденции группу медиков-реаниматоров! Вы осмелились игнорировать мой приказ?

– Нет, госпожа, врачи и сейчас дежурят в резиденции. Смерти произошли в других местах. Жертв как будто специально выбирали по отсутствию в непосредственной близости средств экстренной реанимации.

– А не могла Линнея переместиться по очереди ко всем этим людям, а данные видеозаписи каким-либо образом подделать?

– На существующем этапе технического развития нашей цивилизации это абсолютно исключено, госпожа. Все смерти произошли практически одновременно, причём именно в то время, когда Линнея действительно находилась по дороге к порталному комплексу и никак не могла на них повлиять. Более того, лишь две из названных мною смертей случились на Окане. Остальные восемь произошли на других планетах империи, поэтому служба безопасности не сразу о них узнала. Ещё какое-то время ушло на установление точного времени смерти и соотношение местного времени со временем Окааны. Мои сотрудники сейчас тщательно проверяют предшествующий смерти временной период у каждого умершего человека, однако предварительные выводы говорят о том, что все эти люди никогда и никаким образом не пересекались с объектом по имени Линнея. Сложив мозаику воедино, я поспешил на доклад к вам. Всё случившееся слишком загадочно, отдаёт мистикой и не укладывается в рамки стандартных людских поведенческих алгоритмов.

– Осталось прочитать написанное послание. Где конверт?

– Остался лежать в приёмной, госпожа. Приказать доставить его вам?

Ненадолго выйдя за дверь и вернувшись уже с конвертом, мужчина, низко поклонившись, протянул его матриарху.

Женищина, осторожно взяв в руки архаичного вида конверт, сделанный, похоже, из настоящей бумаги, которую империя уже бездну эонов как не производила, с опаской сорвала печать, изображающую оскаленную голову рурха, и, развернув лист, прочла написанную от руки, красными чернилами, чётким каллиграфическим почерком короткую фразу, закрывающую все вопросы:

«Смерти людей Торуга станут множиться до тех пор, пока клан не закроет долг. Чтобы их остановить, рекомендую всё же выслушать меня. Выбор за вами.»

Проснулся я с первыми лучами солнца полностью выпавшимся и готовым к дальнейшему походу. Не став будить Ируму, тихонько встал, оделся и, выскользнув на задний двор, умылся и привёл себя в порядок, после чего пробрался на веранду, где заботливые хозяева, вставшие ещё раньше меня, оставили для нас завтрак. Поев, я выбрался из дома и сел на удобную деревянную скамейку перед палисадником, расположенную с восточной стороны дома и открывающую прекрасный вид на поселковую улицу и далёкую зелёную стену леса за ней. Так, прикрыв глаза и наслаждаясь прекрасным погожим утром, я и просидел до того момента, как мне составила компанию моя спутница, тихонько подошедшая ко мне сзади, положившая руки на мои плечи и, ласково потёршись щекой о мою щёку, сказавшая, что она поела, собралась и готова продолжить путь. Ничего не говоря в ответ, я развернулся, сгрёб девушку в охапку, усадил, обняв, рядом с собой на скамейку, и мы ещё долго сидели молча, сквозь прищуренные веки наблюдая за восходящим солнцем и оживающей деревней. Наконец, осознав, что незапланированный отдых подошёл к концу и пора отправляться в дорогу, я, глубоко вздохнув полной грудью, поднялся со скамейки, подхватил под руку Ируму, и мы, забрав вещи и попрощавшись с вышедшей нас проводить Мирной, покинули деревню и продолжили свой путь.

Оказавшись под покровом леса, моя спутница быстро сориентировалась по сторонам света и, взяв нужное направление, бодро потопала на запад, солидно забирая к югу. Я пока не умел настолько точно ориентироваться в незнакомом лесу, однако общее направление оценил как верное, поэтому, молча согласившись с выбранной девушкой дорогой, пристроился ей за спину, идя след в след в нескольких шагах позади. Так мы, день за днём, и шагали в сторону намеченной цели.

Путешествие проходило скучно. Один день сменял другой, как две капли воды похожий на любой из предыдущих. Периодически мы пересекали любовно проложенные по лесу

узкие прямые дороги, выложенные плоскими каменными плитами. По одной из дорог мы даже передвигались почти полдня, пока та не стала слишком сильно забираться к югу. Сошли с неё мы без сожаления – действительно, по каменистому тракту идти было приятнее и быстрее, чем по лесу, но ненадолго, так как Ирума подсознательно, на уровне инстинктов, выбирала в лесу путь, практически свободный от молодого подлеска и зарослей местных кустарников. Как ей удавалось определить приближение очередного препятствия и заблаговременно свернуть с тупиковой дороги – ума не приложу. По-видимому, для этого надо родиться лесным жителем и всю жизнь провести в лесу. Впрочем, если я благополучно доберусь до столицы и найду дорогу домой, то подобное умение мне никогда в жизни не понадобится, так что завидовать аборигенам не стоит.

Почти месяц мы быстрым шагом продвигались к намеченной цели, отмотав пешим ходом, по информации от моей спутницы, тысячу с хвостиком километров, причём с солидным таким хвостиком. Людей за всё время путешествия мы не встретили, за исключением случайного захода в один лесной посёлок, аналог посёлка Ирумы, который оказался строго у нас на пути и который мы прошли, даже не задержавшись – его мы пересекли ближе к полудню, и останавливаться там на отдых и ночлег значило потерять как минимум сутки. Всё это время нас незримо сопровождали наши неотлучные соглядатаи, передавая друг другу эстафету через каждые несколько дней и упорно стараясь не попадаться нам на глаза. Тем больше оказалось моё удивление, когда в один прекрасный момент, ближе к закату, дорогу нам преградило двое рослых мужчин. Дождавшись, когда мы подойдём поближе, один из них, поприветствовав нас лёгким небрежным кивком головы, сказал, обращаясь одновременно к нам обоим:

– Впереди арахниды.

– Ну и что? – с недоумением переспросил я.

– Мы не дружим с арахнидами. Арахниды не дружат с нами. Ареалы нашего обитания не совпадают, – как маленькому ребёнку, с учительскими интонациями пояснил мне другой мужчина.

– Они опасны? – задала правильный вопрос моя спутница.

– Люди для них – еда, – нейтрально-спокойным голосом ответил незнакомец, однако его ответ резко поубавил у меня и спокойствия, и оптимизма.

– Убить их можно? – поинтересовалась Ирума.

– Убить можно любого. Однако тело арахнидов покрыто прочным хитиновым покровом, лапы у них мощные и перебить их можно лишь хорошим ударом топора. А к направленной на них магии арахниды условно иммунны, – пояснил один из соглядатаев.

– И как с ними бороться? – это опять Ирума.

– Лучший способ борьбы с арахнидами – вообще избежать боя, – пояснил тот же мужчина. – Но они всё же боятся высокой и низкой температуры, а также мощных дробящих ударов. Ещё пауки не любят воду. Вода для арахнидов не смертельна, но в дождь они стараются не покидать своего логова.

– Если арахны обладают иммунитетом к прямому воздействию магии, то можно использовать опосредованное влияние, – пробормотала моя спутница. – Поражающие факторы от применения магических плетений могут быть и вторичными, тогда защиты от них пауки иметь не будут. Значит, их можно или сжечь, заключив в сферу огня, или заморозить внутри сферы холода, или использовать дробящее оружие, например, топор. Причём шансы столкнуться с пауками в дождь значительно уменьшаются.

– Вы поразительно догадливы, красавица, – улыбнулся мужчина, и добавил:

– Разумеется, если арахниды станут спокойно дожидаться, пока их убьют. Однако арахниды, как и все паукообразные, весьма неплохо перемещаются как по горизонтальным, так и по вертикальным поверхностям, и дождь им в этом не помеха, они просто не любят влажную погоду. Попасть в арахнидов тяжело, а убежать невозможно.

– Обойти ареал обитания арахнидов можно? – спросил я, стараясь не показывать перед мужчинами своего волнения.

– Разумеется, можно, – усмехнулся ответивший до этого Ируме незнакомец.

– И как долго обходить владения арахнидов? – как можно более вежливо, но в душе кипя от негодования за столь высокомерную манеру разговора с нами, спросил я.

– Как будете идти. Кто–то обойдёт за пару месяцев, а кому–то не хватит и всей жизни, – мужчина уже откровенно ухмылялся.

– Вы можете, хотя бы приблизительно, назвать размер владений арахнидов? – невероятными усилиями пытаюсь удержать стремительно улетающие остатки вежливости, спросил я.

– Вы вышли почти к самому центру их владений, – сообщил мужчина. – К северу и к югу территория, на которой проживают арахниды, устремляется примерно на тысячу километров. Может больше, а может меньше – я не замерял.

Тысячу туда, тысячу обратно... Становится понятным, отчего караванные тропы так сильно забирают к северу и югу. Но если наш путь удлинится на две тысячи километров, то попасть в Сану до осени мы можем и не успеть. Придётся пережить сезон дождей в одном из лесных посёлков...

– А если мы всё же рискнём и попытаемся пройти напрямик? – с надеждой спросил я.

– Шанс остаться в живых есть всегда, – на этот раз ухмылки в словах загоревшегося дорогу мужчины больше не было, а в интонациях голоса послышалось явное уважение.

– Мы не будем терять время и пойдём напрямую, – заявил я.

– Это ваш выбор. Мы лишь донесли до вас необходимую информацию.

– И кто уполномочил вас поделиться с нами информацией? – напоследок я попытался разговорить наших соглядатаев, желая хотя бы немного прояснить один из наиболее сильно беспокоивших меня вопросов – кто всё–таки за нами следит.

– На этот вопрос ответа вы не получите, – ответил самый разговорчивый незнакомец. – По крайней мере, от нас,

– Но наш ответ вам и не нужен – вы сами его прекрасно знаете, – добавил второй мужчина. – Однако боитесь себе в этом признаться.

– Спасибо за информацию, – отвесил я предельно вежливый поклон. – Можете ещё чем–либо помочь?

– Мы и так сказали больше, чем должны были, – выдал мне ответный поклон один из соглядатаев. – Вы должны принять решение самостоятельно и не рассчитывать на чью–либо помощь.

– А если решение окажется неправильным? – Ирума, как всегда, сама непосредственность.

– Вы, девушка, уйдёте на перерождение. А что богиня приготовила для вашего спутника – не знает никто, кроме её самой.

Вот спасибо, объяснили...

Вежливо, но холодно распрощавшись с охотниками, мы, не оглядываясь, пошли дальше, на запад.

Примерно через час после столь своевременного предупреждения я ощутил какое–то смутное беспокойство – и вроде бы ничто не предвещало неприятностей, и лес ничем не отличался от того, по которому мы шли весь день, но как–то неожиданно тревожно стало на душе. Затихло пение птиц а воздух показался густым, вязким и глушащим обычные звуки леса. Даже листва под ногами стала шуршать иначе. Оглядевшись по сторонам и не заметив ничего опас-

ного, я пошёл дальше за Ирумой, обратив внимание, что девушка точно так же, как и я, вертит во все стороны головой, как будто ожидая нападения. Мы, сбавив темп, не спеша продвигались всё дальше и дальше, однако моё беспокойство с каждым пройденным шагом лишь усиливалось. Перепады настроения шли волнами, от лёгкой опаски до кратковременного, но прошибающего холодным потом ужаса. Хотелось бросить всё и повернуть назад, туда, откуда пришли, несмотря на то, что объективных предпосылок накатывающим на меня паническим волнам не было. Я прислушался к самому себе, пытаюсь понять причины столь странного своего состояния, но меня опередила Ирума, спросив:

– Ты тоже это почувствовал?

– Да. Какое-то смутное беспокойство. Как будто опасность, которую чувствуешь, но не можешь определить.

– Граница владений арахнов. Магический барьер. Энергетический фон скачет, как в преддверии какого-нибудь вселенского катаклизма. То взлетает до запредельных величин, то резко опускается почти до нуля. И это плохо. Очень плохо.

– Почему? Изменяющийся фон сможет нам повредить?

– Нет, столь резкое изменение пространственной плотности энергии ничем, кроме лёгкого беспокойства, повредить нам не может. Проблема в другом...

– Раз начала – рассказывай, – насел на свою спутницу я.

– Подобные перепады градиента энергетической насыщенности окружающего нас пространства способны ощущать лишь магически одарённые биологические объекты, причём преимущественно обладающие разумом. Ты уже ощутил, что, если бы не толкающая нас вперёд необходимость, по доброй воле никогда не продолжил движение по прежнему маршруту. Не полез бы в таящую неведомую опасность чашу, а повернул обратно, решив не связываться с пугающей неизвестностью впереди. Арахны, вероятнее всего, не пересекают барьер по той же самой причине, в то время как мелкие звери и птицы свободно пролетают сквозь него. Дальше мои выводы можешь продолжить сам.

– Ты подозреваешь, что арахниды, как и мы, разумны – именно поэтому барьер действует в свою очередь и на них?

– Возможно, не в такой степени, как люди... Однако вероятность подобного допущения весьма высока. Шансы на неблагоприятный исход встречи не просто с агрессивно настроенными, но ещё и разумными обитателями местной территории резко возрастают.

– И что нам делать?

– Это решать тебе. Поход организовал ты, а я лишь сопровождающая тебя спутница. Возможны, как ты понимаешь, всего два варианта – или мы продолжаем движение по выбранному нами маршруту, или мы обходим границы владений арахнидов, не вторгаясь на их территорию. Вариант вернуться обратно мы, как я понимаю, не рассматриваем.

– Тогда идём дальше. Обходить слишком долго, а вернуться обратно, как ты правильно заметила, я не могу – я дал самому себе слово дойти, и я сдержу слово, чего бы это мне ни стоило. Впрочем, кое-что я смогу сделать уже сейчас – я возвращаю данное тобой обещание сопровождать меня до Саны. Если считаешь наш дальнейший поход слишком опасным, можешь возвращаться обратно, домой – я тебя не держу.

– Я пойду с тобой, – тихо ответила Ирума. Впрочем, ответила не сразу, немного помолчав, подумав и, чего таить, заставив меня поволноваться.

И мы, больше не обращая внимания на гнетущую обстановку, продолжили свой путь на запад.

Владения арахнидов встретили нас паутиной, висящей везде, где только можно. Но с обилием паутины, затянувшей лес настолько, что стало тяжело передвигаться, мы столкнулись далеко не сразу. Сначала тонкие паутинные нити попадались настолько редко, что я даже не обращал на них внимания и замечал лишь тогда, когда моего лица касалась липкая щекочущая сеть, легко рвущаяся обычным движением руки. Потом стали попадаться ажурные завесы переплетённой в ловчие сети паутины весьма приличных размеров, сами нити прибавили в толщине и прочности, и я наконец-то впервые увидел живого арахнида. Мохнатый, слегка приплюснутый тёмно-серый, почти чёрный увенчанный маленькой головкой с солидными жвалами комок размером примерно в полторы человеческих головы, раскинув в разные стороны восемь массивных суставчатых лап длиной как минимум в мою руку, неподвижно сидел в самом центре громадной паутины на высоте примерно в три человеческих роста. Паутина тонкой, почти незримой завесой перегородила широкий, шагов в десять-двенадцать, проход между двумя деревьями. Я даже не заметил бы эту незримую сеть, если бы на её нитях не блестели мелкие капельки ещё не испарившейся утренней росы. Остановившись перед замершим в центре ловчей сети пауком примерно в тридцати шагах, мы с Ирумой стали внимательно рассматривать первого увиденного нами арахнида.

Паук выглядел достаточно мерзко с человеческой точки зрения. Уродливое раздутое брюхо на спине покрывали роговые наросты, чешуйками спадающие на бока – вероятно, та самая хитиновая броня, о которой нас предупреждали встреченные охотники. Незащищённым оставался лишь небольшой участок брюшка арахнида в том месте, откуда из него выступали суставчатые сочленения лап. Брюшко покрывала тонкая бурая шёрстка, плавно переходящая в хитин по бокам. Вероятно, хитин образовался в результате срастания трансформированных шерстинок, и по прочности должен был быть эквивалентен кости. Раздробить такую защиту способен лишь сильный удар, а, значит, наши луки для защиты от пауков окажутся бесполезными, равно как и острые как бритва ножи для разделки добычи, покоящиеся у меня и у Ирумы в ножнах, крепящихся на бёдрах. Видимо, к точно таким же выводам пришла и моя спутница, тихо обратившись ко мне со словами:

– Осторожно отходим назад, не вспугнув арахна.

Повторять дважды мне было не надо. Я и сам понимал, что отступление в данном случае – самый лучший выход. Отойдя по старым следам на пару километров и почувствовав себя в относительной безопасности, Ирума выбрала участок леса, просматривающийся в разные стороны шагов на сорок-пятьдесят и свободный от паутины, после чего, сбросив на палую листву свой походный мешок, сказала:

– Привал. Будем думать, как идти дальше, и готовить оружие против арахнов. Без оружия мы не пройдем, а наши луки в качестве оружия не годятся

Понимая правоту девушки, я, слабо разбираясь в местных видах вооружения, спросил:

– И что ты предлагаешь? Быть может, мы всё же попробуем справиться твоей магией?

– Ты же слышал пояснения охотников? Они утверждали, что на пауков не действуют магические плетения. Любой направленный в них боевой конструкт просто растечётся по поверхности хитиновой брони, практически не принеся вреда. Или впитается в арахна, лишь усилив его.

– Встреченные нами охотники упоминали о возможности косвенного влияния на арахнидов. Мы можем воздействовать на них с помощью огня или холода. Если даже пауки иммунны к прямому воздействию магии, то спалить или заморозить участок пространства вместе с пауком ты, надеюсь, сумеешь?

– Подобное заклинание действует далеко не мгновенно, – ответила Ирума. – Плюс мне в любом случае потребуется какое-то время на его плетение и наведение на цель. Пусть я и создаю конструкты очень быстро, однако паук всё равно может успеть выскочить из зоны неблагоприятного температурного воздействия. Да ты и сам должен догадаться – одно дело пробить

тем же огненным шаром тело паука насквозь, проделав в нём сквозную рваную дыру, и совсем другое – раскалить до высоких температур значительную область пространства вокруг цели. Хитиновый панцирь резко ослабит поражающее воздействие внешних заклинаний. Обычное оружие может оказаться против арахнов значительно более эффективным.

– У нас есть другое оружие кроме луков? – скептически подняв бровь, спросил я.

– У нас есть металл, из которого изготовлены наконечники для стрел. И у нас имеются бесконечные запасы древесины вокруг.

– И что мы сможем сделать из древесины? Выломать дубину?

– Зачем дубину? Самым простым и самым легко изготавливаемым оружием из дерева является боевой шест. Шестами люди пользовались с незапамятных времён. В умелых руках боевой шест, сделанный из особо прочных пород дерева и усиленный магией – достаточно грозное оружие.

– Значит, вооружаемся шестами?

– Шест – дробящее оружие. Он предназначен лишь для нанесения дробящих ран и для нас не подходит ввиду слишком малой убойной силы. Против арахнов более предпочтительными окажутся колющие, секущие и рубящие удары.

– Ты предлагаешь изготовить нам мечи?

– Нет, мечи слишком лёгкие против таких хорошо защищённых противников, как арахны. Ими не проломишь массивный хитиновый панцирь, в то время как, например, топор делает это с лёгкостью.

– То есть вооружаемся топорами?

– Разреши я прочту тебе небольшую лекцию о холодном оружии... Топор – неплохой вариант, но он не лишён ряда недостатков. Мы, разумеется, можем использовать секиру – боевую разновидность топора, удлинив ручку, и даже установить на неё два направленных в противоположные стороны лезвия для улучшения боевых характеристик, вот только научить тебя пользоваться таким вариантом секиры я не успею. А в неумелых руках ты легко можешь вместо лапы паука отрубить ногу себе – два лезвия требуют к себе предельно аккуратного обращения. В чём-то ты прав – хитиновый панцирь арахнов даже с виду очень прочный, поэтому на первый взгляд против них действительно лучше всего использовать дробящие удары, для чего идеально подойдёт или топор, или молот. Но вот только для того, чтобы нанести этим оружием удар, необходимо подойти к противнику слишком близко, что недопустимо – лапы даже встреченного нами арахна значительно длиннее рукояти обычного топора. А я вполне обоснованно подозреваю, что попавшийся нам экземпляр далеко не самый крупный. Да и колющие удары в незащищённое брюхо ни молотом, ни топором не сделаешь.

– А ещё удлинить рукоять? И оснастить лезвием по типу штыка для нанесения колющих ударов?

– Можно использовать копьё – это шест с насаженным на него металлическим острием. Копьём легко достать до брюха арахна, оставаясь вне зоны действия его лап. Вот только копьё предназначено лишь для колющих ударов, а в реальной схватке дотянуться до мягкого подбрюшья паука тебе удастся далеко не всегда. Не хотелось бы заранее ограничивать функционал нашего оружия.

– А совместить копьё и топор?

– Совместив копьё и топор, вернее, копьё и секиру, мы получим алебарду. Алебарда имеет и длинное, как у шеста древко, позволяющее наносить удары издалека, и рубящие лезвия, и колющее острие на конце. Вот только обучиться владению алебардой ещё сложнее, чем секирой. В неумелых руках ты не только не попадёшь в противника острием, так как алебарда является достаточно массивным оружием и обладает значительной инерцией, но и, скорее всего, нанесёшь рубящий удар не лезвием, а плашмя – малейшая неправильность в движе-

ниях, и древко, как живое, начнёт крутиться, проворачиваясь, у тебя в руках. Для схватки с арахнами лучше всего подойдёт глефа.

– А это что такое?

– Глефа – разновидность холодного древкового колюще–рубящего оружия, сочетающая в себе всё лучшее от алебарды, меча, копья и секиры. Длинное, как у копья или секиры, прочное древко, на конец которого насаживается широкий длинный стальной наконечник, имеющий много общего с мечом. Баланс значительно лучше, чем у секиры или алебарды из-за того, что форма клинка ближе к мечу, чем к топору, и, следовательно, клинком глефы можно наносить колющие удары. Алебардой их тоже можно наносить, но она всё же больше предназначена для размашистых рубящих ударов, в то время как глефа равно хороша и для рубящих, и для колющих атак, да и древко в качестве защиты можно использовать. Нередко глефу оснащают двумя клинками, с обеих сторон шеста. Клинки могут быть как одинаковыми, так и иметь разную форму. Иногда в качестве второго клинка используют наконечник копья – тогда одним концом оружия наносят колющие и рубящие удары, а другим – только колющие. Так как глефа значительно тяжелее обычного одноручного меча за счёт более длинного и массивного древка, а также более прочного и тяжёлого лезвия, глефой можно наносить значительно более сильные удары. А главное – за счёт крепления на древке двух одинаковых лезвий глефа может быть симметричной и сбалансированной, поэтому работа с ней во многом напоминает работу с шестом и ей не так уж сложно научиться. Относительно несложно, разумеется – обучение владению мечом хотя бы до мало–мальски приемлемого уровня займёт значительно больше времени.

– Но если глефа значительно тяжелее меча, то как я буду с ней управляться?

– Меч ты держишь одной рукой, и в бою с мечом в немалой части работает кисть. Глефу, как и шест, ты держишь двумя руками, поэтому в работу включаются значительно более сильные мышцы плечевого пояса, а также спинные мышцы и мышцы брюшного пресса. То есть в работу с глефой будет вовлечено всё твоё тело, и последствия ударов для противника окажутся значительно более разрушительными.

– Уговорила – делаем глефу. Вот только я всё равно не умею с ней обращаться.

– Придётся немного задержаться и потратить несколько дней на освоение хотя бы начальных навыков работы с ней, иначе ты убьёшь не арахна, а самого себя. Отсежь себе по неопытности ногу, неправильно замахнувшись, глефой проще простого.

Покончив с объяснениями, Ирума вытряхнула из моего и своего тула все стрелы. Отобрав десяток наиболее хорошо сохранившихся, она спрятала их обратно в свой тул, насыпав остальные перед собой большой кучей, после чего принялась сноровисто освобождать их от наконечников. Избавившись от железа, девушка аккуратно собрала все древки стрел, перевязала их несколькими пучками свежесорванной травы и спрятала в мой тул. Собранные наконечники, разложив перед собой в ряд, она осмотрела, очистила от грязи и пыли, разложила на четыре равные кучки, после чего, взяв одну кучку в руки и взвесив её на ладони, сказала:

– Этого мало. Клинок получится слишком лёгким. Нужен ещё металл.

– И где мы его возьмём? – переспросил я.

– Предлагаю использовать всё имеющееся у нас железо, потребность в котором в ближайшее время будет невелика. В том числе и имеющийся у тебя нож.

– Но он мне нужен! – возмутился я.

– Тебе нужен не нож, а возможность вовремя попасть в Сану, – перебила меня девушка. – Согласись, это стоит потери ножа. К тому же, как только мы натолкнёмся на залежи хорошей железной руды и у нас появится свободное время, я сделаю тебе другой нож.

– И сколько времени тебе понадобится на изготовление хорошего ножа? – переспросил я.

– Меньше, чем на изготовление глефы. Примерно день.

– То есть глефу ты будешь делать два дня?

– Две глефы. Два дня на две глефы. И это минимальный срок. Попытаюсь управиться за два дня, но, возможно, я слишком оптимистично оцениваю свои силы, и времени потребуется несколько больше. Я никогда не изготавливала глефы, хотя знаю, как их делать.

– Хорошо, пусть будет два дня, – скрепя сердце, согласился я.

– Тогда давай всё имеющееся у тебя железо. И твой нож, – сказала Ирума.

Отдав то, что она просила, я, расположившись на покрывале под сенью ближайшего дерева, с сожалением наблюдал, как моя спутница уничтожает львиную долю моего походного снаряжения. Ирума, собрав металл, переплавляла его, отделила примеси, прогнав расплав через сотканную из силовых нитей центрифугу и виртуальный сепаратор, после чего разделила его на четыре равных куска и оставила висеть в воздухе, остужая. Пока заготовки медленно остывали в веретенообразных коконах силового поля, она, оставив меня со своим ножом и наказав к её возвращению развести костёр и наготовить углей, отправилась на охоту.

Вернулась девушка, неся на поясе небольшую пёструю птицу, внешне похожую на утку. Споро ошипав её, натерев смешанной с собранными тут же травами солью, насадив на вертел и водрузив над пышущими жаром углями, она, внимательно оглядев висевшие в воздухе заготовки для глефы, сказала:

– Сплав хороший. Чистый, практически без примесей. Завтра с утра можно приступить к изготовлению лезвий.

После чего, усевшись рядом со мной, девушка приняла активное участие в приготовлении ужина, постоянно переворачивая птичью тушку и не давая ей пригореть. Птичье мясо постепенно пропекалось, жир с тушки тягучими каплями падал на раскалённые угли, разнося по лесу ароматный запах подкопченного мяса.

Когда птаха пропеклась до состояния идеальной прожарки, демонстрируя своим кулинарам тонкую золотистую хрустящую корочку, мы с Ирумой с аппетитом поели и уже в темноте, слегка подсвечиваемой багровыми сполохами остывающих углей, достали из рюкзаков одеяла и легли спать.

Наступившее утро не принесло мне ничего нового, за исключением осознания того, что одной съеденной вчера небольшой птички для двух взрослых человек оказалось явно недостаточно, и я бы не отказался плотно позавтракать. Ирума явно поддерживала моё мнение, так как, пожелав мне в качестве напутствия разжечь уже затухший костёр и приготовить побольше углей для завтрака, убежала на охоту.

Вернулась девушка с двумя птицами и одним кроликом. Одну из птиц мы тут же запекли на углях и оприходовали, а вторую птицу я, устроившись под деревом, принялся неспешно ошипывать и потрошить. Покончив с птицей, я проделал аналогичную процедуру с кроликом, в смысле, выпотрошил и избавил от шкурки. Обе тушки я завернул в сорванные тут же, неподалёку, большие стреловидные листья похожего на лопухи местного растения и убрал в рюкзак. Пока я занимался обработкой и сохранением нашего предстоящего обеда и ужина, Ирума успела расплавить все бруски и сделать из них четыре отливки в виде ассиметричных мечевидных лезвий. Расплавленный металл, залитый в кокон энергетической формы, повторяющей контуры лезвия, девушка подвергла воздействию центрифуги, после чего окончательно сформировала внутреннюю структуру металла, создав из силовых электромагнитных полей аналог прессы. Раскалённые и пышущие жаром заготовки девушка, тщательно осмотрев, резко опустила в заранее выкопанную ямку с залитой в неё водой, для чего, тщательно утрамбовав дно ямки, вылила туда весь наш питьевой запас. Дождавшись, пока заготовки остынут, она извлекла их из ямки, после чего долго и тщательно осматривала и обстукивала. По-видимому, удовлетворившись увиденным, Ирума ещё раз медленно нагрела заготовки, следя за их тем-

пературой и не доводя их цвет докрасна. Удовлетворившись проделанной работой, девушка подвесила заготовки медленно остывать в воздухе, после чего, устало смахнув пот, сказала:

– К вечеру будут готовы. Осталось только заточить.

– И у нас будет две глефы? – переспросил я.

– И у нас будет четыре хороших лезвия, из которых мы завтра сделаем две неплохих глефы. Нужно ещё изготовить для них древки.

– Это долго?

– Будет зависеть от того, насколько быстро я найду для них подходящий материал.

– Деревя в лесу полно!

– То дерево, которое нам нужно, встречается достаточно редко. Придётся хорошо поискать.

И мы, в четыре руки раскочегарив костёр, приступили к приготовлению позднего обеда, избавив от обёртки в виде листы заячью тушку.

Пообедав, мы разбрелись в разные стороны – я пошёл набирать во фляги воду из найденного Ирумой неподалёку родника, а сама Ирума отправилась на поиски подходящего для изготовления древков дерева. Вернулась девушка уже в потёмках, когда я, вновь разведя костёр, приготовил на нём последнюю из добытых птах. Необходимого дерева Ирума не нашла, зато на обратном пути ей удалось подстелить молодого зайчонка, так что завтра с утра нам будет чем позавтракать. Пока до полной темноты оставалось немного времени, я освежевал добытого девушкой зайца и, завернув тушку в листья, спрятал в рюкзак. Уставшие, мы, обнявшись под одеялом, легли спать. Ещё один день прошёл...

Утром Ирума, пока я готовил завтрак, успела заточить все четыре лезвия и нарезать из заячьей шкурки оставшимся у нас единственным ножом множество тонких, но необычайно прочных кожаных ремешков. Как объяснила девушка, сыромятная кожа является самым лучшим средством для крепежа клинка к древку. Спорить с ней я не стал, лишь, поцеловав в лоснящиеся от заячьего жира губы, пожелал обязательно найти дерево для древков. Поблагодарив за напутствие, Ирума, взяв лук и прихватив наш единственный нож, растворилась в глубине леса, а я остался сидеть около костра, задумчиво перебирая изготовленные лезвия и строя планы на будущее.

Моя спутница пришла, когда время обеда давно уже прошло, костёр прогорел, угли остыли, и мне пришлось опять собирать дрова, используя в качестве топора для их заготовки бритвенно-острые лезвия будущих глеф. Бросив на землю передо мной четыре птичьих тушки и тушку молодого зайца, Ирума бережно положила на землю два аккуратно срезанных ствола то ли молодых деревьев, то ли высокого кустарника.

– Орешник, – пояснила мне девушка, доставая из рюкзака одеяло и усаживаясь на него лицом к начинающему разгораться костру. – Не самый лучший материал для древка, но другого мне найти не удалось. Буду работать с тем, что есть.

Я понятливо кивнул, взял нож и принялся потрошить зайца, оставив птах на потом. Выпотрошив зайца и нанизав его на шампур, я сбил пламя с углей, попрыскав на них водой, и приступил к готовке, одновременно ошипывая птиц и периодически поворачивая шампур с насаженным на него зайцем – чтобы не подгорал. Ирума же, отобрав у меня нож, с головой ушла в изготовление рукояток для глеф, освободив деревца от коры и любовно снимая с них тонкие стружки древесины. Магией для сего священнодействия она почему-то принципиально не пользовалась, пробормотав что-то вроде «мне ещё их зачаровывать, а дерево впитывает магию только один раз». Понятно, древки в будущем станут своеобразными артефактами, и сейчас девушка боится испортить заготовки случайными всплесками своей энергии.

Когда жаркое дошло до кондиции, Ирума ненадолго прервалась – исключительно для того, чтобы поесть, после чего, посмотрев на меня, вольготно разлёгшегося на одеялах в тени ближайшего дерева, опять принялась за работу и трудилась до самого вечера. Лишь в сгущающихся сумерках она с сожалением отложила недоделанные древки в сторону и помогла мне с приготовлением ужина, пообещав, что уже завтра наше оружие будет готово.

С утра, лишь только рассвело, девушка вернулась к изготовлению глеф, оставив на меня все текущие заботы по хозяйству. Я умылся, принёс свежей воды и приготовил на завтрак жаркое из птицы, прикинув, что оставшихся трёх тушек хватит и на сегодня, и даже на завтрашний завтрак. После завтрака, умяв на пару со спутницей запечённую до хрустящей корочки птаху, я, от нечего делать и чтобы не мешать Ири в её трудах, занялся приготовлением остальных убитых девушкой птиц. Да, обед, ужин и завтрашний завтрак нам придётся есть холодным, но, во-первых, нам не привыкать в дороге питаться холодным мясом, а во-вторых, на жаре за два дня тушки могут испортиться.

В обед девушка закончила остругивать древки и, немного зачистив их одной из заячьих шкурок с насыпанным на шёрстку мелким песком, дала мне поддержать деревяшки в руках. Что можно сказать по моим ощущениям... Древки, несмотря на одинаковую длину, примерно мне по шею, и примерно одинаковый вес, воспринимались совершенно по-разному. Одно удобно ложилось в руки и ощущалось как что-то родное, другое вносило в ощущение лежащего в ладонях дерева некоторый дискомфорт. Проанализировав собственные чувства, я пришёл к выводу, что настолько по-разному черенки воспринимаются исключительно из-за того, что форма их сечения оказалась разной: один шест Ирума изготовила круглым, а другой – овальным. Я, разумеется, тут же поинтересовался, зачем это было сделано. Ответ спутницы меня несколько удивил. Девушка, посмотрев, как я недоумённо верчу в руках древки, ответила:

– Такую форму я сделала специально. Помнишь, я рассказывала тебе, что глефы могут быть не только с двумя, но и с одним лезвием? Иногда древко глефы с одним лезвием делают овальной формы. Такая глефа называется нагинатой. Лезвий мы тебе оставим два, но форму древка сделаем овальной, как у нагинаты.

– А какой в этом смысл?

– Смысл такой, что ты по форме древка, наощупь, всегда будешь знать, где у тебя расположено лезвие. Ударить плашмя таким оружием практически невозможно. Разумеется, если нагината находится в руках опытного бойца. К тому же принимать удары другого оружия на древко можно более уверенно, если постоянно подставлять под удар более толстую его сторону. В общем случае, круглое древко делается для оружия, использующего в бою преимущественно закреплённые на концах лезвия, а овальное используется тогда, когда в схватке активно применяется и само древко. Увеличением общего веса и потерей некоторой доли удобства ради расширения функционала оружия в этом случае можно пренебречь. Как ты, наверное, уже догадался, овальное древко рассчитано на более сильных и выносливых бойцов, практикующих атакующий стиль боя и не боящихся идти на обострение схватки, сокращая дистанцию.

– То есть овальное древко предназначено мне?

– Совершенно верно. С ним тебе станет проще запомнить рубящую сторону лезвия и правильно наносить удары. Надеюсь, на этом твои вопросы закончатся – у меня ещё много работы.

Извинившись, я вернулся к разложенным под деревом одеялам и, улёгшись, продолжил наблюдать за Ирумой, перешедшей к процессу закрепления на черенках изготовленных ею ранее лезвий. Работа двигалась медленно – девушка, насаживая стальные наконечники на древки, тщательно подгоняла концы шестов для того, чтобы те плотно вошли в предусмотренные для них пазы, после чего, собрав нарезанные ранее тонкие кожаные шнуры из заячьих шкурок, аккуратно, виток к витку, туго обматывала ремешками основания лезвий, намертво закрепляя их на древках. Иногда, если ей что-то не нравилось, Ирума разматывала кожаную

обмотку и, поправив ножом какой-то мелкий, видимый исключительно ей одной недостаток, опять возвращалась к намотке. Наконец, поздним вечером, работа была завершена и девушка с удовлетворением оглядела плоды своего труда, после чего протянула одну из получившихся глеф – ту, которая с овальным древком – мне, сказав:

– Держи. Это твоё.

Поблагодарив свою спутницу за подарок, я спросил:

– А обучаться работе с глефой мы будем?

– А куда мы денемся? – пробормотала уставшая мастерица. – Если тебя выпустить с глефой неподготовленным и ничего не умеющим, то ты отрежешь себе ноги в первом же бою.

– И долго мы будем учиться?

– Дня два-три, не меньше, – подумав, ответила Ири, – и это лишь самый минимум. Только для того, чтобы ты сам себя не изувечил. Стать неплохим бойцом за такой короткий срок ты, разумеется, не сможешь – на это необходимо как минимум несколько месяцев упорного ежедневного труда. А мастером можно стать вообще не ранее чем через несколько десятков лет упорных тренировок. Такого запаса времени у нас нет, поэтому будем тренировать тебя по ходу дела.

– То есть завтра по плану у нас тренировки?

– И послезавтра тоже. И если ты не освоишь базовую технику ударов глефой хотя бы на минимальном уровне, то и третий, и четвертый день мы будем заниматься тем же самым.

Понятно... Ничто в этом мире не даётся даром.

С этими невесёлыми мыслями я, затушив костёр, вернулся к оборудованной лёжке, подгрёб к себе Ируму и, укрыв нас обоих одеялом, почти сразу же провалился в глубокий сон без сновидений.

Глава 2

Утро встретило меня прохладой, ласковыми тёплыми лучами летнего солнышка и уверенными толчками в мою спину Ирумы, которая, стоило мне только открыть глаза, внимательно оглядела моё заспанное и помятое лицо, после чего сказала:

– Поднимайся, уже светло. Быстро завтракай, и приступаем к тренировкам.

Позавтракав, девушка подхватила свою глефу, ту, что с круглым древком, заставив меня взять вторую, и, выбрав в паре десятков шагов от нашей стоянки небольшую ровную полянку без кочек, кустов и высокой травы, спросила меня, готов ли я заниматься.

– Готов, – не задумываясь, ответил я

– Тогда начнём с изучения базовой стойки, – перехватив поудобнее глефу, начала урок Ирума. – Я буду медленно показывать, а ты внимательно смотри и повторяй за мной. Встань свободно, ноги на ширине плеч и слегка, почти незаметно согнуты в коленях. Корпус расслабь, спину выпрями, плечи слегка опусти, смотри прямо на меня. Древко зажми под мышкой правой руки таким образом, чтобы ладонь опущенной правой руки удерживала его у основания лезвия. Кисть, сжимающая древко, не должна быть напряжена. Опустить конец глефы вниз, направив его в землю. Само лезвие должно смотреть режущей стороной не вбок, как у тебя, а вперёд, причём наконечник должен находиться в паре ладоней от земли, примерно на уровне твоих щиколоток. И не прижимай его к ноге, держи рядом примерно на ширине ладони, если не хочешь отрезать себе ногу.

Проконтролировав, чтобы я встал так, как она говорит, Ирума обошла меня вокруг, поправив несколько небольших огрехов, и продолжила:

– Запомни эту стойку. Она должна отпечататься в твоей голове настолько отчётливо, чтобы ты в любой момент мог принять её даже бессознательно.

– Запомнил, – уверил я свою учительницу.

– Хотелось бы надеяться, – с сомнением в голосе прокомментировала моё утверждение Ирума, после чего продолжила урок:

– Из этой стойки плавно поднимай правую руку вперёд и вверх, ведя перед собой лезвие глефы, примерно на уровень своей груди. Вот так, – показала девушка. – Этот удар может наносить как колющие, так и режущие раны. Разумеется, если тебе удастся попасть в цель. Так как древко продолжает оставаться у тебя под мышкой, вырвать оружие из твоей руки будет достаточно сложно. Да, чуть не забыла – в момент удара напряги кисть. Запомнил?

– Запомнил, – подтвердил я.

– Когда лезвие достигнет уровня груди, ты, не останавливая движения, тянешь кистью лезвие вверх и освобождаешь зажатый под мышкой другой конец древка, подхватив его в движении левой рукой. Заметил, что второе лезвие, ранее торчавшее у тебя из-за спины, опустилось вниз и начинает совершать размашистое круговое движение? Старайся, чтобы оно не слишком сильно приближалось к твоей ноге, лучше вообще отвести его примерно на локоть правее. Теперь, когда ты держишь древко двумя руками, продолжай его движение, раскручивая оружие и придавая его вращению максимально высокую скорость. Не сейчас! Скорость ты будешь увеличивать потом, когда освоишь этот приём и наработаешь моторику. Видишь, как у моей глефы расположенное снизу лезвие начинает идти вперёд и совершает секущий удар из правой нижней в левую верхнюю точку? Повтори!

И Ирума заставила меня медленно повторять это движение вновь и вновь, пока не признала, что оно начало у меня более-менее хорошо получаться, после чего перешла к объяснению второй части приёма:

– Сейчас ты делаешь этот приём, стоя на месте, но, когда немного освоишься, ты станешь исполнять его в движении – левая нога в момент удара должна делать небольшой подшаг вперёд, сокращая дистанцию между тобой и противником и увеличивая силу удара. После того, как нанесены колющий и секущий удары, левая нога должна сделать подшаг назад – так ты разорвёшь дистанцию со своим противником, вернувшись на исходную позицию.

– А зачем мне разрывать дистанцию? – спросил я. – И почему я должен идти назад?

– А ты уверен, что с первого раза порaziшь свою цель? – скептически усмехнулась девушка. – Лично я – не уверена. Промахнуться может кто угодно, особенно такой неопытный боец, как ты. Поэтому, если твоя атака не достигла цели, неважно по какой причине – противник уклонился, ты промахнулся или удар вообще оказался настолько слабым, что не нанёс противнику серьёзного повреждения и тот сохранил возможность сражаться, – ты всегда должен оставить для себя возможность повторить атаку. А это можно сделать, лишь отступив, поняв, почему первая атака не прошла, и при повторной атаке исправив допущенные тобой ошибки. К тому же противник в случае твоей неудачной атаки может в свою очередь контратаковать, поэтому на первое время, пока ты не наберёшься опыта, отступать и разрывать дистанцию после каждой своей атаки ты будешь всегда – для тебя это обязательное условие. Разумеется, если тебе ещё дорога твоя собственная жизнь.

– Понятно, – пробормотал я, – наношу два удара и отступаю.

– Нет, наносишь два удара и, отступая, тут же наносишь третий, защищаясь от возможной контратаки.

– А если её не будет?

– Значит, ты совершишь одно лишнее движение. Ничего страшного, не перетрудишься. Итак, смотри: после того, как после укола ты с подшагом нанёс диагональный атакующий удар, не останавливая вращения глефы, ты немного подправляешь траекторию её движения таким образом, чтобы второе лезвие совершило размашистый секущий удар в горизонтальной плоскости, примерно на уровне твоей груди. Сам ты в это время, как я и говорила, делаешь левой ногой подшаг назад, переходя из левосторонней в правостороннюю стойку. Видишь, как моя левая рука, контролируя движение глефы, прижимается к левому бедру, а правая выступает вперёд, посылая острие лезвия в сторону противника? Если бы противник, уклонившись от твоей атаки, бросился вперёд, он либо не достал бы тебя, так как ты успел отойти назад, либо, дотянувшись, напоролся на острие твоего оружия.

– То есть третий удар одновременно и защита? – переспросил я.

– Совершенно верно, – подтвердила Ирума. – Он предназначен лишь для того, чтобы остановить возможную контратаку твоего противника. Моторика движений этой комбинации ударов тебе ясна?

И, получив от меня подтверждение, сказала:

– До обеда занятие для тебя есть. Медленно отрабатывай всю связку, пока она не станет получаться у тебя автоматически, без подсказки мозга. После этого начинай потихоньку увеличивать скорость. Надеюсь, к обеду скорость твоих движений возрастёт достаточно, чтобы приём выглядел не танцем, а нормальной атакой. И, самое главное, не спеши – лучше ты сделаешь несколько тысяч лишних медленных повторений, чем начнёшь увеличивать скорость до того, как твой мозг на подсознательном уровне закрепит правильную моторику движений. Всё, работай, а я пошла добывать нам еду.

С этими словами Ирума оставила рядом с нашими пожитками глефу, взяла лук, нож, забросила за спину тул с десятком оставшихся у нас стрел и бесшумно скрылась за деревьями. Задумчиво повертев в руках свою глефу, я вздохнул, принял исходную стойку и начал медленно отрабатывать приём, с ностальгией вспомнив мои первые занятия боевыми искусствами...

Следующие дни слились для меня в одну изнуряющую, с раннего утра и до позднего вечера, тренировку. Я брал в руки глефу и начинал заниматься с первыми лучами солнца, а заканчивал почти в полной темноте, с короткими перерывами на еду. Ни за два, ни за три дня освоить оружие у меня не получилось – как только я научился более–менее уверенно наносить удары по воздуху, моя жестокая учительница тут же заставила меня наносить эти же удары по стволам деревьев. Удары в полную силу по реальной мишени выявили в моей технике массу скрытых недостатков, которые мне пришлось устранять до того, как мы продолжим наш поход. На то, чтобы правильно выучить всего три базовых связки приёмов, мне потребовалось пять полных дней, после которых Ирума, критически посмотрев, что у меня в результате получилось, недовольно поморщилась и сказала:

– Ногу, похоже, ты себе не отрубишь, поэтому на этом тренировки закончим. Я была несколько оптимистична, полагая, что тебе будет достаточно пары дней на изучение базовых движений. Дальнейшее повышение твоего боевого мастерства станем отрабатывать в движении и на реальных противниках.

На следующее утро мы, покинув обжитую стоянку, продолжили наш поход. Необходимость вынужденной задержки я осознал буквально через полчаса, когда мы наткнулись на сидящего в центре огромной паутины арахнида. Возможно, это даже был тот самый, встреченный нами самым первым, паук. Он сидел неподвижно на высоте метров шести, лениво покачивая жвалами.

– Обойдём? – тихо спросил я Ируму.

– Нет, потренируемся, – шёпотом ответила мне девушка. – Тебе необходимо нарабатывать навыки реальной схватки, и лучше всего это делать, когда противник один.

– И как я до него дотянусь? – спросил я, показав глазами на висящего на недостижимой высоте паука. – Или собьём его стрелой?

– А для чего ты тогда учился владению глефой? Нет, мы сейчас аккуратно опустим паука на землю...

И девушка, осмотревшись по сторонам, нашла растущий неподалёку куст, отрезала от него длинную ветку и, подойдя к паутине поближе, резким движением забросила ветку в паутину примерно на высоте полутора метров.

Стремительного движения арахнида я даже не заметил – вот ещё мгновение назад паук неподвижно сидел высоко над землёй, а спустя миг он, стремительным рывком подскочив к запутавшейся в паутине палке, задумчиво щупает её своими лапами.

– Медленно подходи к арахну и попытайся секущим движением отрубить ему голову, – прошептала Ирума, дождавшись, пока дрожание потревоженной паутины прекратится.

– А ты? – спросил девушку я.

– А я буду страховать от разных неожиданностей одного ученика, слишком много разговаривающего вместо того, чтобы без рассуждений выполнять указание своего учителя, – шёпотом ответила Ирума.

Признавая справедливость упрёка девушки, я медленно подошёл к пауку и, приблизившись на расстояние удара, нанёс резкий рубящий удар в сочленение головы с брюхом арахнида, после чего, помня о необходимости защиты, отшагнул назад, выбросив второе лезвие глефы вперёд.

Именно второе движение меня и спасло – арахнид оказался настолько стремительным, что успел уклониться от моего первого удара. Вместо головы лезвие глефы попало по лапам паука, отсекая одну и сильно повредив другую. Раненый арахнид потерял изрядную долю своей скорости, вследствие чего я успел закончить защитный приём и паук в броске просто напоролся

всем телом на выброшенный вперёд остро заточенный наконечник лезвия глефы. Удар огромной силы чуть не выбил оружие из моих рук и заставил пошатнуться. С омерзением наблюдая, как на конце глефы в агонии бьётся, размахивая лапами, мохнатое чудовище, я мысленно возблагодарил уроки Ирумы и то, что мы затратили на них не два дня, как я первоначально планировал, а целых пять. Возможно, эти лишние дни тренировок и спасли мне жизнь, избавив от ядовитых паучьих жвал. Дождавшись, пока агония убитого мною членистоногого прекратится, я резким движением стряхнул замершее тело на землю и подошёл поближе, желая изучить его строение внимательнее.

– Не самый крупный экземпляр, – прокомментировала Ирума, подойдя к поверженному пауку с другой стороны.

– Ты думаешь, нам попадутся экземпляры побольше? – переспросил я.

– Надеюсь, что нет, – ответила девушка, – но боюсь, моим надеждам не суждено сбыться.

– Откуда такие пессимистичные настроения?

– Паутина.

– Что паутина? – в недоумении переспросил я.

– Паутина, которую сплёл убитый тобой арахнид, была достаточно тонкой. Нам по пути попадались обрывки старых паутин, нити которых выглядели значительно толще. Соответственно, плетущие их пауки должны иметь значительно больший вес. А размер, как ты понимаешь, непосредственно связан с весом. Так что дальше идём более осторожно – пауки оказались значительно более опасными существами, чем я предполагала. А твои боевые навыки, как показал бой, всё ещё не дотягивают до минимально необходимых. Даже с таким маленьким пауком ты не смог справиться.

– Но я же его убил! – возмутился я столь явно прозвучавшей в устах девушки несправедливостью.

– В значительной мере твоя победа – случайность, – разочаровала меня Ирума. – Смертельным должен был оказаться твой первый удар, а ты бездарно промазал. Хорошо, что защитное движение ты проделал на автомате, выставив лезвие глефы как копьё, на которое и насадился прыгнувший на тебя арахн. А если бы он бросился тебе в ноги?

Осознав, что только что был практически на волосок от смерти, я, запоздало покрывшись холодным липким потом от накатившего на меня страха, с показной уверенностью пробормотал:

– И всё же нам надо идти вперёд.

– Вперёд так вперёд, – преувеличенно бодро ответила Ирума, и, больше не обращая внимания на труп арахнида, двинулась вперёд, внимательно смотря по сторонам.

Второго паука мы встретили довольно скоро – по моим внутренним ощущениям, от места прежней схватки мы не прошли и километра. Этот арахнид был раза в два меньше предыдущего и сидел в нижней части тонкой, почти незаметной паутины, примерно в метре от земли. Подав знак замереть, Ирума медленно отошла от паука и, шёпотом предложив мне отойти немного назад, повела меня обратно по нашим следам. Отойдя на сотню шагов, она, уже обычным голосом, сказала:

– Арахн сидит достаточно низко для того, чтобы ты смог медленно подкрасться к нему и убить одним ударом. Тренируйся, опыт боёв тебе понадобится. Этот паук – не последний, что встретится на нашем пути. Ты должен наработать моторику ударов по реальным противникам.

– А тебе моторику набирать не надо?

– А мне зачем? – удивилась девушка. – Я – потомственный воин, дочь воинов, внучка и правнучка бесчисленных поколений воинов. У нас необходимые умения в крови. Да и случилось мне охотиться с древковым оружием, причём достаточно часто, чтобы какая-то сотня-другая схваток с пауками прибавила мне хотя бы каплю умения. Так что просто поверь – опыт нужен не мне, а тебе.

Да, опять меня походя опустили лицом в грязь, мимоходом показав, что в нашей связке я самая бесполезная боевая единица и являюсь больше обузой, чем помощью. Не подав вида, что обижен столь низкой но, чего скрывать, абсолютно объективной оценкой своих воинских умений, я, прокрутив глефой вокруг себя пару восьмёрок, дабы прибавить себе уверенности, медленно вернулся к паутине с замершим в её углу пауком.

Арахнид за время нашего отсутствия переместился на пару метров к центру паутины, оказавшись примерно на уровне моей головы. Прежнее положение членистоногого являлось значительно более выгодным для меня, так как позволяло нанести рассекающий удар сверху вниз. Вероятно, паук всё же заметил наше присутствие и занял более безопасное с его точки зрения положение. А это значит, что противник предупреждён и находится настороже. Надо запомнить на будущее – при встрече уничтожать арахнидов с первого раза, не теряя время на обсуждение и не давая паукам возможности подготовиться к атаке. Пожалев об упущенной возможности, я как можно более медленно и плавно подобрался к арахниду на расстояние удара и, так же медленно поднимая оружие наизготовку, нанёс резкий круговой удар в сочленение лап с телом паука, для чего выбросил глефу почти на полную длину древка от себя.

Или паук не успел среагировать на моё движение, или выбранное мною расстояние оказалось оптимальным и арахнид не почувствовал опасности, но удар оказался точным и отсёк ему половину лап, серьёзно повредив остальные. Паук, истошно вереща, свалился на землю, где я добил его вторым ударом, на этот раз отделившим голову от судорожно сокращавшегося жирного брюшка. Вот уж никогда бы не подумал, что арахниды умеют издавать столь пронзительные звуки...

– Пошли отсюда быстрее, – сказала Ирума, оторвав меня от разглядывания второго в моей жизни убитого паука, – этот писк мог означать тревожный сигнал для других арахнов.

– Ты думаешь, что они способны общаться между собой?

– Я предполагаю, что они могут быть разумны, – объяснила мне девушка, быстрым шагом удаляясь от места схватки, – поэтому не будем рисковать и просто уберёмся отсюда подальше.

Далеко уйти нам не удалось – буквально через пару сотен шагов дорогу нам преградил ещё один паук, неподвижно приклеившийся к стволу дерева на высоте примерно десяти метров от земли. Ирума, первой заметившая арахнида, схватила меня за руку и шёпотом проговорила:

– Идём медленно, плавно, не замедляемся и не бежим. Делаем вид, что ничего не видим. Глефу держи наготове – в случае нападения примем бой.

Но паук, оказавшийся раза в два крупнее первого убитого нами, даже не пошевелился, когда мы прошли рядом с деревом, к которому он прилепился. Лишь отойдя от арахна почти на километр, причём сильно отклонившись от нужного нам направления на север, моя сопровождающая облегчённо вздохнула и сказала:

– Сюда сигнал тревоги дойти уже не должен – слишком далеко. Но не расслабляемся – идём дальше с предельной осторожностью.

Расслабиться действительно не получилось – вскоре нам опять преградила дорогу серебристая паутина. Правда, паука на ней нам заметить не удалось, но Ирума, резко свернув в сторону, решила не испытывать судьбу, а обойти препятствие. Так мы и шли дальше – едва замечали впереди проблески паутины, сворачивали, стремясь обойти её заранее, дабы не привлекать к себе внимание.

С каждым разом обходить постоянно возникающие на нашем пути препятствия удавалось всё сложнее – плотность паутины росла, как и количество сидящих на них пауков. Впервые за всё время путешествия мы испытали сложность с выбором места для ночёвки – Ируме оказалось весьма непросто найти в лесу достаточно большой участок, свободный от вездесущей паутины. Но, наконец-то, требуемый участок был найден – им оказалась большая, заросшая густой травой поляна. Быстро поев, мы улеглись спать прямо в её центре.

Утром, за завтраком, при свете восходящего солнца выяснилось, что поляна, которую мы облюбовали для ночлега, просто кишела мелкими паучками – видимо, арахниды использовали её как инкубатор для вывода своего потомства. Паучья мелочь не принесла нам никакого вреда, за исключением брезгливости – понимать, что всю ночь по тебе шастали пауки, было противно. Однако, как сказала Ирума, на будущее подобный способ ночёвки может оказаться наилучшим – взрослые арахниды, похоже, не любят открытых пространств и на большие поляны не забредают, отдав их на откуп нарождающемуся поколению. Кстати, множество мелких, хорошо знакомых мне по прошлой жизни паутин, натянутых между стебельками травы, говорило о том, что паучкам здесь весьма комфортно и вполне хватает еды – разнообразные насекомые с жужжанием носились вокруг нас, так и норовя залезть нам с Ирумой в рот и попробовать на вкус торопливо пожираемые нами остатки мяса. Вот и ещё одна проблема нарисовалась – при таком количестве конкурентов на дичь как бы нам не остаться без продовольствия. Мои опасения подтвердила и Ирума, сообщив, что количество дичи вокруг явно поубавилось. Опасаясь, что дальше ситуация с едой может стать значительно хуже, девушка пошла на охоту, заставив меня нарубить дров, разжечь костёр и приготовить побольше углей.

Я сделал всё, что мне приказала моя спутница, и даже больше – пока собирал дрова для костра, используя в качестве дров толстые ветки ближайших кустарников, я умудрился обнаружить и убить трёх арахнидов. Правда, все они оказались значительно мельче и первого, и второго приконченных мною пауков, зато я отработал на них тактику боя. Оказалось, что арахнидов следует бить до того, как они заметят опасность и приготовятся к нападению – в этом случае они не успевают быстро среагировать и становятся лёгкой добычей. Причём лучше всего момент обнаружения арахнидом опасности я заметил на третьем пауке – перед тем, как перейти от момента расслабленного ожидания попавшей в паутину добычи к моменту атаки, он немного напрягся, подбирая под себя лапы. И если нанести удар до этого момента, то победа в схватке практически гарантирована. Всё это я и рассказал Ируме, когда она притащила к пышущим жаром углям молодого оленёнка.

Похвалив меня за наблюдательность, девушка быстро разделала добычу, и мы вдвоём принялись жарить мясо, заготавливая его впрок. На заготовки у нас ушёл весь день, но мы ни капли не жалели о потраченном времени – и сами наелись до отвала, и мяса накопили на добрую неделю похода, и это если не экономить, а питаться так, как мы привыкли есть всегда. Уже почти в полной темноте завернув последние куски приготовленного мяса в широкие листья местного кустарника и разложив их по рюкзакам, мы, уставшие, улеглись спать на том же месте, где ночевали вчера, лишь поплотнее, с головой завернувшись в одеяла, дабы избавиться от надоедливого внимания местной паучьей мелюзги.

Наутро, убедившись, что за ночь нас никто не съел, мы, решив, что тактика ночёвок на открытой местности нами проверена и будет применяться и впредь, смахнули с себя на землю всех обнаруженных паучков и, покидав за спины враз потяжелевшие рюкзаки, подобрали оружие и продолжили путешествие на запад.

Ближе к полудню, когда лямки рюкзака порядком оттянули мне плечи, в мою голову закралась предательская мысль избавиться от одного лука – ведь теперь мы были вооружены глефами, которые тащили в руках. Стрел же на оба имеющихся у нас лука оставался всего неполный десяток – две стрелы Ирума умудрилась сломать на охоте. Правда, наконечники от них были бережно найдены, упакованы и спрятаны в бездонные недра наших рюкзаков, но чтобы сделать на их основе хорошие стрелы, девушке требовалось найти нужную древесину и подстрелить нужную птицу – оказалось, что не любое перо пойдёт на оперение, причём уже использованное перо для новой стрелы не годилось. Раньше я об этом как-то не задумывался...

Однако высказанное мною предложение Ирума тут же забраковала, объяснив, что луки являются более ценным оружием, чем глефы. И, в первую очередь, не тем, что являются оружием дальнего боя, а тем, что из подручных материалов хороший лук сделать практически

невозможно – композитный лук, в отличие от древкового оружия, является высокотехнологичным изделием и требует недель, а то и месяцев напряжённого труда мастера. А отсутствующие наконечники для стрел она, как только натолкнётся на более–менее приличное месторождение нужного металла, сделает в любом потребном для нас количестве – лишь бы унесли, ведь наши рюкзаки далеко не бездонны, да и наши плечи способны перенести не так много вещей, как нам бы того хотелось. Короче, опять я глупость какую–то сморозил. Спасибо моей понимающей спутнице, что она не стала акцентировать внимание на моём предложении, а, объяснив мне элементарную, понятную любому местному ребёнку истину, спокойно пошла дальше, по пути обсуждая дальнейший маршрут. Из её слов я понял, что ранее равнинная местность стала потихоньку разбавляться небольшими пока холмами и повышаться, что косвенно свидетельствовало о приближении предгорий. Карта, которую девушка хорошо помнила, говорила о продолжительной горной гряде, протянувшейся с севера на юг. Рано или поздно горы преградят нам дорогу к цели, и к этому надо быть готовыми. Впрочем, мы знали об этом препятствии и взяли с собой из дома всё необходимое – верёвки, прочную обувь, альпинистское снаряжение. Конечно, крутые склоны мы штурмовать не станем – всё же мы не профессиональные скалолазы, да и бессмысленно подобное занятие, но совсем уж неподготовленными в горах не окажемся. Однако до гор ещё далеко, а сейчас перед нами стоит значительно более важная задача – пройти через владения арахнидов и остаться при этом в живых.

Через несколько дней ходьбы по землям пауков я изрядно растерял запасы своего оптимизма – дорога с каждым шагом становилась всё тяжелее и тяжелее. Во–первых, близость предгорий сказалась на почве под нашими ногами – она стала неровной, каменистой и требовала постоянного к себе внимания. Периодически мы натыкались на вросшие в землю каменные валуны всевозможных размеров, от почти незаметного, только чтобы отбить, споткнувшись, пальцы ног, до настоящих скал высотой в десятки метров, на которые без верёвки и не влезешь. И кто бы знал, что именно такая скала вскоре спасёт нам с Ирумой жизнь...

Удачно обходя скопления паутины, быстро уничтожая единичные встреченные нами экземпляры арахнидов и расслабившись в отсутствие серьёзных стычек, мы случайно влезли прямо в скопление пауков, оказавшись с трёх сторон окружёнными серыми бронированными тушами, прячущимися в кронах окрестных деревьев. Свободным от пауков оставалось лишь направление, откуда мы пришли, и то я не был в этом уверен – поймавшие нас в западню арахниды ловко перемещались по деревьям, стремясь перекрыть нам путь к отступлению. До пауков было ещё далеко, однако расстояние медленно сокращалось – не было сомнений, что нас обнаружили и потихоньку окружают.

Первой заметившая опасность, Ирума дала мне знак остановиться и, внимательно оглядевшись по сторонам, прошептала:

– Отступаем. Быстро!

Но, стоило нам только развернуться и помчаться обратно, как я оказался сбитым с ног прилетевшей откуда–то паутиной. Кубарем покотившись по земле и пересчитав рёбрами несколько спрятавшихся в траве вперемешку с прошлогодней листвой мелких валунов, я, мгновенно перевернувшись на спину и сбросив с плеч лямки рюкзака, скинул на землю и рюкзак, и лук, попытавшись подняться. Простейшее, в общем–то, действие мне не удалось – меня удерживала на земле прилипшая к моему боку паутина. Перехватив древко глефы, я нацелился перерубить липкую нить, однако моё намерение разгадал огромный, с меня величиной паук, бросившийся прямо на мою лежащую на земле тушку. Заметив стремительный бросок мохнатого тела, я, не успевая избавиться от паутины, перебросил глефу острием вперёд, пытаясь защититься от нападения и с ужасом понимая, что мне это вряд ли удастся. Однако помирать мне, видимо, пока было рано – сбоку на арахнида вылетело другое тело, женское, чтобы, извернувшись в воздухе, одним размашистым стремительным движением глефы смахнуть голову паука с жирного бронированного тела.

Уворачиваясь от лап бьющегося в агонии обезглавленного членистоногого, я всё же перерубил прилипшую ко мне паутину, подхватил рюкзак с луком и, убедившись в том, что моя напарница после столь головокружительного акробатического прыжка осталась жива и ждёт моего освобождения, перехватив поудобнее глефу и страхуя меня от новых атак подкрадывающихся пауков. Убедившись, что я поднялся на ноги, Ирума, махнув мне рукой, тут же бросилась прочь от арахнидов. Я припустил вслед за ней, однако далеко мы не убежали – на этот раз с ног оказалась сбита Ирума. Пауки явно не хотели выпускать нас из окружения, и к упавшей девушке устремилось, быстро перебирая лапами, громко стрекоча и щёлкая жвалами, сразу трое мохнатых серых комков. Опять сбросив рюкзак – слишком уж сильно он тормозил меня в бою, – я, напрягая от предельных усилий связки, в прыжке перепрыгнул Ируму, по пути полоснув по паутине лезвием, и, кубарем перекатившись по земле, обманул отвлечшихся на меня пауков – над моей головой пронеслось сразу несколько паутин, с которыми я чудом разминулся. Резким движением я, не поднимаясь на ноги, откатился вправо, и это спонтанное движение оказалось единственно верным – в то место, где я мгновение тому назад находился, шлёпнулся громадный паук, тут же окутавшийся коконом пламени – Ирума скастовала вокруг арахнида плазменный шар. Иммунные к прямому воздействию, пауки оказались беззащитны перед воздействием высоких температур – плазма, ослепляя, выжигала их глаза, да и другим органам чувств наверняка досталось. Да, вывалившийся из раскалённого шара паук остался живым – чтобы запечь его до состояния хрустящей корочки, нескольких мгновений опаляющего жара оказалось явно недостаточно, зато арахнид не заметил, как я подскочил к нему и, размахнувшись изо всей силы, снёс голову. Площадку нашего боя заполнил визг, клёкот и сухие костяные щелчки – напавшие на нас пауки явно переговаривались между собой. Метнувшаяся мимо меня девушка снесла голову ещё одному вывалившемуся из раскалённого шара арахниду. Оглянувшись вокруг, я заметил неподалёку двух обожжённых и одного покрытого инеем паука. Бросившись к подмороженному, я лишь чудом смог избежать встречного броска и, откатившись к другому, обожжённому пауку, добил слепо размахивающего лапами дымящегося арахнида. Вспухший на месте подморозка очередной огненный шар показал, что опыт с заморозкой прошёл неудачно – низкая температура воздействовала на пауков значительно слабее, чем высокотемпературная плазма, и практически не наносила им вреда, лишь немного снижая подвижность. Ирума исправила свою ошибку, окружив подмороженного арахнида плазменным шаром.

– Убегаем! Их больше, чем я смогу уничтожить! – отчаянно прокричала девушка, и я, видя, что на нас надвигается стена из почти окруживших нас нескольких десятков пауков, спускающихся с деревьев и стремительно перебегающих от ствола к стволу, бросился наутёк, едва успев подхватить свой рюкзак. Забрать лук я уже не успевал. Впрочем, Ирума, со всех ног несущаяся впереди меня, вообще оказалась без рюкзака – за её спиной болтался лишь лук и тул с жалким пучком стрел, а в руках вращалась, окружив девушку плотным стальным кольцом, измазанная бурой слизью глефа. Я тоже раскрутил вокруг себя веер из стальных лезвий, ощутив, как они тут же вгрызаются во что-то вязкое – арахниды продолжали обстреливать нас паутиной, но скорость, которую мы развили, оказалась для пауков недоступной. Через несколько минут стремительного бега мы, задыхаясь, остановились. Отдышавшись, мы убедились, что организованная за нами погоня отстала, но не прекратилась совсем – со стороны места недавней схватки доносились визгливые щёлкающие звуки и сухой костяной скрежет.

– Они переговариваются между собой, – пояснила Ирума.

– Разумные, гады, – согласился я.

– Если арахны разумные, то обязательно должны организовать за нами погоню, – сказала девушка, – мы неплохо их проредили. Я бы подобного точно не простила.

– Все звери в той или иной степени разумны и умеют переговариваться между собой, – озвучил свои мысли вслух я. – И вовсе не обязательно, что за нами будет погоня.

– Давай исходить из худшего предположения, – возразила Ирума, – поэтому попытаемся уйти как можно дальше.

И мы пошли, круто забирая к югу, чтобы не выдать арахнидам настоящего направления к цели нашего похода.

К вечеру мы убедились, что оторваться от погони нам не удалось. Едва мы, обнаружив удачную полянку, устроились на ночлег, как с деревьев спустилась почти незаметная тёмно-серая тень, и вечерний воздух разрезал пронзительный клёкот – обнаруживший нас арахнид подавал своим сородичам весть о находке. Увидев, что обнаружены, мы подскочили и, не дожидаясь подхода основных сил, быстро удалились с поляны, широкими шагами меряя лежащую под ноги лесную почву. Ирума напоследок скастовала большой плазменный шар, сбивший паука на землю и доставивший мне большое моральное удовлетворение.

Стемнело. Девушка зажгла над нашими головами яркий светлячок, освещающий дорогу шагов на двадцать, не более. Увеличивать мощность энергетического конструкта не имело смысла – слишком яркий свет просто слепил бы нас. В призрачном свете магической лампы мы шли всю ночь, останавливаясь на отдых лишь несколько раз. Каждый раз, стоило нам только расслабиться и немного подремать, периодически сменяя друг друга, нас будил резкий скрипящий клёкот очередного обнаружившего нас арахнида. Создавалось впечатление, что против нас ополчился весь лес...

Рассвет мы с Ирумой встретили с воодушевлением и тут же с первыми лучами солнца повернули на запад, предположив, что если даже не оторвёмся от погони, то в горах пауки от нас точно отстанут. Горы уже не их территория – крупных деревьев на каменистых склонах немного, и плести там паутину просто негде. Немного поспать этой ночью нам всё же удалось, и, если бы не пропажа второго рюкзака, в котором лежала почти половина нашей еды, мы могли бы весело и практически безостановочно топать в сторону гор целую неделю. Сейчас запасы нашей еды ограничивались примерно четырьмя днями похода, а там нам волей-неволей придётся охотиться. Второго лука, конечно, жалко – эту потерю нам восполнить не удастся, но самое главное – мы живы и здоровы, а вещи при необходимости раздобудем ещё. В конце концов, один лук – тот, что подарил Ируме мастер-оружейник, – у нас ведь остался.

Весь день мы быстрым шагом, практически не останавливаясь и заблаговременно обходя замеченные нами паутины, шли на запад. Даже ели на ходу, жуя холодное жареное мясо и запивая его водой из фляжек. Вот, кстати, с водой оказалось туго – за весь день нам не попалось ни единой речки, ни одного ручья. Удачно, что утром нам повезло наткнуться на маленький ручеек и, вдоволь напившись самим, наполнить чистой прохладной водой свои фляжки. Но если завтра мы не найдём воду, не сможем даже поесть – затолкнуть в пересохшее горло твёрдый жирный кусок мяса практически невозможно. Перед закатом, обессилев, мы немного полежали прямо на траве и даже чуть-чуть поспали, невзирая на бьющее в глаза заходящее солнце. Разбудил нас громкий скрипящий клёкот арахнида, тут же подпаленного Ирумой. Погоня продолжалась...

Следующие трое суток нас гнали, как дичь, не давая даже возможности хоть немного отдохнуть. Мы исхудали и осунулись. Мои ноги гудели от усталости, а под глазами залегли тёмные круги. Моя спутница, пусть и являлась коренной лесной жительницей, выглядела не лучше. Если выживу, буду вспоминать это время как самый страшный период своей жизни – единственной бившейся в моём воспалённом от усталости и недосыпа сознании мыслью оставалось нежелание быть съеденным заживо хищными членистоногими. Никогда не думал, что пауки могут быть настолько выносливыми и способными перемещаться столь быстро и на столь большие расстояния. Правда, и пауки эти, по словам Ирумы, тоже какие-то не обычные, а изменённые магией самой богини. Руки бы поотрывать этой богине, создавшей столь кошмарные создания, да и ещё наделившей свои творения способностью разумно мыслить. А в том, что арахниды обладают разумом, сравнимым с разумом человека, у меня не осталось никаких

сомнений – гнали нас грамотно, пытаюсь загнать в какое-то одним паукам известное место, и, обнаружив, что им это не удаётся и добыча вот-вот выскочит из расставленных силков, резко взвинтившим темп погони.

На исходе третьих суток мы, уставшие, обессиленные и всё-таки не разглядевшие очередной ловушки, попались прямо в неё. Западню, в которую попали, мы обнаружили слишком поздно – когда, пытаюсь убежать от внезапно возникших перед нами пауков, свернули в казавшуюся такой надёжной ложину и, после минутной пробежки, оказались со всех сторон окружены спустившимися с деревьев и выскочившими из укрытий арахнидами. Оглядевшись, мы к ужасу своему заметили, что путь к отступлению тоже перекрыт. И стоило ли тогда так напрягаться, пытаюсь убежать от неизбежного? Скинув рюкзак на землю и поудобнее перехватив глефу, я приготовился к последнему в своей жизни бою.

– Подними рюкзак, – тихо, сквозь зубы, пробормотала Ирума, – это ещё не конец. Левее, в паре километров от нас, скалистый утёс. Если мы добежим до него – мы спасены.

– Откуда ты знаешь? – так же шёпотом спросил я.

– Когда бежала, по сторонам смотрела, – едва слышно ответила девушка.

Медленно подняв рюкзак и повесив его обратно за спину, я встал левее Ирумы, продолжавшей тихо отдавать мне указания:

– Следуй за мной и не отставай. Я пробью коридор к скале, уничтожив преграждающих нам путь арахнов, но всех, скорее всего, перебить не смогу. Если мы останемся на месте, нас просто завалят толпой, поэтому надо всё время двигаться. И, как только вырвемся из окружения, со всех ног беги за мной.

– А если я вырвусь вперёд?

– Если тебе это удастся – великолепно, но я бегаю быстрее тебя. Внимание...

И Ирума стремительно бросилась на замершее в напряжении кольцо пауков, раскрутив глефу до серебристого блестящего круга вокруг себя и нанося удары направо и налево, стремясь не столько убить, сколько нанести стоящим у неё на пути членистоногим как можно больше повреждений. Бросившиеся на девушку пауки, столпившись, мешали сами себе, поэтому ей пока удавалось остаться живой и даже ни разу не раненой. Но такое положение не могло оставаться бесконечно долго – рано или поздно преимущество в численности арахнидов непременно скажется. А, вот уже и сказалось...

Я бросился вслед за Ирумой всего мгновением позже, но наполовину пробитый ею в живой копошащейся куче пауков коридор почти затянулся, а саму девушку сбили на землю и, обстреливая липкими нитями паутины, не давали ей подняться. Тул со стрелами она уже потеряла, да и лук вот-вот слетит с перевязи, не выдержав подобных к себе издевательств. Нанося удары направо и налево, я всё же пробился к Ируме и, чиркнув по прилипшей к девушке паутине, рывком, уцепившись за шиворот, вздёнул её на ноги и толчком придал ускорение в нужном направлении. Поняв меня без слов, девушка рванулась из окружения, опять раскрутив смертельное колесо и прорубая для меня спасительный коридор. Однако мгновения задержки, в течение которых я освобождал свою спутницу из паутины, дорого обошлись уже мне – обстрел паутиной, ведущийся по девушке, перенёсся на меня. Выстрелившие со всех сторон нити разом опутали мне ноги, повалив на землю и вынудив крутиться на спине, обрубая прилипшую паутину и отражая атаки арахнидов.

Подняться на ноги мне удалось, и даже удалось, скрипя от напряжения зубами, почти вырваться из окружения по прорубленному девушкой коридору, из последних сил уворачиваясь от летящей в меня паутины и перепрыгивая тянущиеся ко мне лапы и лязгающие жвала. Но вылетевшая неожиданно откуда-то сбоку очередная липкая нить догнала меня, сбив с ног и бросив прямо в лапы огромного арахнида, тут же вонзившего свои клыки прямо в икру моей правой ноги, которой за мгновение до этого я, не успевая дотянуться лезвием глефы, нанёс сильный удар по голове метнувшегося ко мне паука.

Укусившему меня арахниду я тут же, сквозь зубы матерясь, снёс голову и, видя, что прорубленный Ирумой проход вот-вот затянется очередными спешащими на битву мохнатыми бойцами, ринулся вслед за девушкой, успев выскочить из сжимающегося кольца. Изо всех сил перебирая ногами и крича в спину своей спутнице, что бегу вслед за ней, не оборачиваясь, я рванул прочь от места битвы.

Бежали мы недолго – минуты три–четыре, на большее у нас не осталось сил. Догнав упавшую на землю и пытающуюся отдышаться девушку, я свалился рядом с ней – сил стоять у нас не осталось. Положив рядом с собой глефу, я облокотился на рюкзак, вытянул начинающую неметь правую ногу и согнул в колене левую. Я даже не пошевелился, когда Ирума, бросив быстрый оценивающий взгляд на мою правую ногу, без слов вытащила из чехла на своём бедре нож, распорол штанину и припала губами к месту укуса. Наверное, пытается высосать попавший в рану яд – отстранённо подумал я. Мешать девушке я не стал – она лучше знает, как обращаться с ранами.

Моё лечение неожиданно затянулось – девушка высасывала из раны кровь вперемешку с ядом, периодически сплёвывая на землю, долго водила над раной руками... Потом, немного поколебавшись, сделала ножом разрез прямо в месте укуса и, продолжая высасывать идущую кровь, сплела какой-то лечебный конструктор – нити силы я видел, но само заклинание оказалось для меня слишком сложным. Закончив с лечением, Ирума подняла на меня глаза, в которых плескалась тревога вперемешку с отчаянием, и сказала:

– Плохо. Всё очень плохо. Основную часть яда мне удалось высосать, но часть уже впиталась в кровь, пока ты бежал, и с кровью разнеслась по всему организму. Заклинанием удалить остатки яда не получилось – он оказался не подвержен воздействию магии. Как и сами арахны...

– И чем мне это грозит? – подпустив в голос бодрости, спросил я. – Неужели придётся расстаться с ногой?

– Если бы ампутация ноги не позволила яду попасть в твой организм, я бы сразу отрезала тебе ногу. Потеря конечности – не слишком тяжёлая травма, любую конечность можно со временем вырастить. А вот иммунный к магии яд с неизвестными мне свойствами значительно опаснее.

– Речь идёт о возможности продолжения нашего путешествия? – переспросил я.

– Речь идёт о твоей жизни, Кейтон! – хмуро пояснила Ирума. – Яд проник в твой организм и продолжает действовать. Он в твоих мышцах, твоём сердце, твоём мозге. Твоё тело начинает мутировать, и мне не удалось прервать этот процесс – он уже запущен. Я лишь приостановила его, приглушив воздействие яда выработкой соответствующих антител. Однако это не полное излечение, а лишь небольшая отсрочка. В любой момент яд арахнов может пересилить мой лечебный конструктор и возобновить свою работу.

– Значит, я не смогу продолжить путь?

– Я не знаю, не только удастся ли тебе продолжить путь. Я не знаю, проснёшься ли ты завтра, Кейт...

Глава 3

Несмотря на полное отсутствие сил, мы, помогая друг другу, всё же с трудом поднялись на ноги и, прихрамывая, побрели в сторону утёса, который я уже отчётливо видел и сам. Хромали оба – я по причине больной ноги, стянутой обрывками извлечённой из рюкзака ткани, а Ирума – по причине растяжения связок на правой ступне. Споткнулась, прорывая кольцо окружения, о попавшуюся под ноги паучью лапу и неудачно приземлилась на затаившийся в траве камень. Бывает... На месте недавнего побоища, устроенного нами арахнидам, вообще ногу поставить некуда было – обязательно наступишь или на самого паука, или на его отрубленные лапы, не говоря уже о спрятавшихся в траве камнях. Вот так, симметрично хромая, мы и добрались до выступающего прямо из земли исполинского гранитного утёса, расположенного почти по центру заваленного большими и маленькими камнями луга. Вероятно, когда-то утёс являлся вершиной не крупной скалы, в настоящее время почти скрытой под слоем многолетних наносов и осадочных отложений, а камни вокруг – это следы эрозии самого скального выступа. Поэтому, собственно, и деревья вокруг него не росли – просто некуда пускать корни. Зато всевозможным травам и кустарникам вокруг было раздолье – мы с Ирумой скрылись в зарослях почти по грудь и с трудом пробирались сквозь густую траву к спасительной цели.

Добравшись до утёса, мы устало привалились к нему спинами, не решаясь опуститься на землю – опасались, что больше не встанем. Немного отдохнув и уняв предательскую дрожь в перетруженных ногах, мы стали обследовать каменного исполина на предмет пути наверх, обходя его по кругу. Приемлемый путь обнаружился спустя три полных оборота вокруг скалы, когда мы уже отчаялись его найти, и уже было полезли в рюкзак за верёвкой, дабы штурмовать утёс в лоб в первом же попавшемся месте. Обошлось... Страхуя друг друга мы, всё же достав верёвку и обвязавшись ею для страховки, начали медленно карабкаться по осыпающейся трещине, поднимаясь всё выше и выше и помогая себе в процессе восхождения единственным небольшим альпинистским ледорубом, чудом сохранившимся в моём рюкзаке. Хорошо ещё, что каждый из нас сам нёс свой комплект альпинистского снаряжения – после дорого обошедшейся нам схватки с арахнидами удалось сохранить хотя бы один комплект из двух. Наконец вершина утёса покорила отважных альпинистов, и я первым развалился на ней, в изнеможении упав на спину – вымотаться настолько сильно мне ещё никогда в жизни не удавалось. Ирума полностью поддержала моё мнение, упав мне на грудь и устало закрыв глаза. Наши лица соприкоснулись. Наше тяжёлое дыхание обжигало щёки друг друга, а мои сдавленные ругательства, высказанные придавившей мою грудь девушке, вызывали лишь её судорожные хрипы.

Немного оклемавшись и найдя в себе силы принять сидячее положение, мы оторвались от нагретого камня (а кто-то оторвался не от камня, а от моей мягкой и горячей груди) и огляделись по сторонам. Далеко на западе, в голубой дымке, смазывающей контуры и скрывающей истинные очертания увиденного, небесную синеву попирали высокие заснеженные горные пики. Далеко на востоке... Далеко на востоке не было видно ничего, кроме сплошной зелёной пелены леса. Впрочем, на севере и юге виднелся тот же самый густой нехоженный лес, что и на востоке. А внизу...

Бросив взгляд вниз, я увидел, как из лесной чащи, прячась в густой траве и стекаясь к подножию утёса, на поляну просачивались крупные и не очень пауки, из-за чего казалось, будто трава колыхается под налетающими со всех сторон порывами ветра. Да, наивно было бы предполагать, что после устроенного нами побоища арахниды про нас забудут. Нас не только выследили, но и окружили, отняв последнюю зыбкую надежду на благополучный исход путешествия...

С замиранием сердца осознав, что здесь, на скале, мы, похоже, и примем свой последний бой, я осмотрел имеющееся у нас вооружение. Как ни странно, глефы ни я, ни Ирума не потеряли. И даже сломать не смогли – сделанные из орешника древки оказались на удивление прочными, а переделанные из наконечников лезвия не успели затупиться, обзаведясь лишь многочисленными мелкими щербинками, никак не влияющими на боевые качества оружия. Ещё Ирума сохранила подаренный ей лук, однако без стрел он был сейчас для нас абсолютно бесполезен. Правда, на дне моего рюкзака, аккуратно замотанная в кусок тонко выделанной шкуры, лежала пара снятых со сломанных стрел наконечников, однако древки для них сделать было не из чего – на скале не росло ни одно дерево. Трава, впрочем, тоже не росла – один голый, местами крошащийся и осыпающийся под ногами камень.

Помимо оружия у нас имелась и магия, вот только наш противник, к сожалению, к магии оказался иммунным. А как было бы хорошо, заняв неприступную позицию на вершине скалы, кидаться сверху огненными сгустками и ледяными копьями, наблюдая, как они проделывают в телах копошащихся внизу пауков сквозные дыры или взрываются, попадая внутрь, с оглушительным грохотом, разбрасывая в разные стороны вырванные лапы и куски тел! А ведь в арсенале моей спутницы есть и магические плетения против множественных целей! И пусть я пока не умел плести ни заклинания ледяного копья, ни заклинания огненной стрелы, ни того же заклинания огненного роя – не будь арахниды защищены от прямого воздействия магии, Ирума в одиночку, не напрягаясь, могла бы перебить всю копошащуюся внизу серую массу.

– Их слишком много для нас двоих, – как будто прочитав мои мысли, пробормотала моя спутница.

– Все одновременно они на нашу скалу залезть не смогут, – подпустив в голос каплю оптимизма, ответил я.

– А им это и не нужно, – горько усмехнулась девушка, – через пару суток сами спустимся.

– Лучше умрём здесь от голода! – ответил я.

– Скорее – от жажды, – возразила Ирума.

Дальнейший наш спор о том, каким образом мы планируем погибнуть, прервали арахниды – они решили не ждать, пока мы помрём сами от голода и жажды, и предприняли попытку штурма скалы, выбежав серой колышущейся волной из густой травы и, облепив камень со всех сторон, устремились по нему вверх.

– Даже отдохнуть не успели, не говоря о том, чтобы поесть, – с сожалением пробормотала Ирума.

Подумав, что она в чём-то права, я, облизав шершавым сухим языком потрескавшиеся губы, отстегнул от рюкзака фляжку, на вес оценив, что воды в ней осталось чуть меньше половины, и протянул девушке со словами:

– На, попей!

– Зачем? – удивлённо переспросила Ирума. – Это наша последняя вода!

– Если переживём штурм – тогда и будем думать, где достать воду. А сейчас хотя бы будем биться, не мучаясь от жажды.

Видимо, моя спутница согласилась с моими доводами, так как, отвернув крышку, жадно присосалась к горлышку фляги. Сделав несколько больших глотков, девушка с сожалением оторвала от себя сосуд с живительной влагой и, слегка взболтав его, вернула мне обратно, добавив:

– Допивай. Вся оставшаяся – твоя.

Уговаривать меня не пришлось – в пару глотков я осушил флягу и вернул её на место, спрятав в рюкзак. Смочив горло, я подобрал свою глефу и осторожно посмотрел вниз, с досадой заметив, что за это время арахниды успели проделать больше половины расстояния от подножия скалы до вершины, не спеша, но уверенно карабкаясь вверх. Выбрав самого резвого паука, я аккуратно подошёл к краю скалы, планируя снести ему голову сразу же, как только она

появится в пределах дистанции поражения моего оружия. Однако у Ирумы оказались другие планы – посмотрев, чем я занимаюсь, девушка приказала мне:

– Отойди от края, Кейт, ещё не время. Сейчас они посыплются вниз сами.

И, активировав заранее заготовленный конструктор, девушка метнула его вниз. Громкий возмущённый скрежещущий визг показал, что плетение достигло цели, сбросив со скалы множество прилепившихся к ней арахнидов. Медленно обходя скалу по кругу, девушка методично обрабатывала склоны нашего убежища, сбрасывая вниз атакующих. Менее чем за минуту скала очистилась от пауков, и пусть почти никто из них не погиб, зато пострадавших оказалось достаточно много. Я как-то не подумал, что падение с большой высоты окажется для пауков более травмоопасным, чем попадание в раскалённый плазменный пузырь. Переломанные лапы, в отличие от сгоревшего подшёрстка и обожжённых глаз, надёжнее выводили пауков из строя.

– Ну, вот и всё... Первая атака отбита, – устало пробормотала Ирума, присев на скалу рядом со мной.

– И сколько таких атак ты сможешь отбить? – спросил я девушку, рассматривая колышущееся серое живое море под нашими ногами.

– Не слишком много, – призналась Ирума, – пару-тройку десятков, возможно, даже сотню. Слишком энергоёмким получается плетение. Однако проблема даже не в этом... Ты почувствовал исходящий от моих плетений жар?

– Его сложно не почувствовать! – признался я. Действительно, сгустки раскалённой плазмы, сбросившие со скалы ползущих арахнидов и отпугнувшие тех, кто стоял рядом со скалой и уже готовился на неё ползти, основательно нагрели и воздух вокруг скалы, и саму скалу. Дыхание раскалившегося камня ощущалось даже здесь, на вершине.

– Ещё два, пусть даже три раза я выжгу всё живое рядом со скалой, и нам здесь нечем станет дышать. Я ведь для того, чтобы сжечь иммунного к магии арахнида, раскаляю достаточно большой объём воздуха вокруг него. А от раскалённого воздуха, поднимающегося к нам сюда, вверх, нагревается и скала. Мы сами, своими руками устраиваем вокруг себя печку.

– Быть сожжённым заживо не лучше, чем умереть от жажды, – согласился я.

– Стоит только скале хоть немного остыть, и арахны предпримут ещё одну попытку штурма, – продолжила девушка. – После второго раза здесь станет значительно жарче, чем сейчас, а третьего раза, возможно, мы уже не переживём.

– А если создать заклинание холода прямо под нашими ногами? – спросил я. – Такое, каким ты замораживаешь продукты?

– Не поможет... Нагревшаяся скала всё равно станет гнать жар прямо на нас. А если охладить всю скалу – по ней тут же станут взбираться пауки. Только силы зря потеряю.

– А если покрыть скалу льдом? – я попытался озвучить ещё одну безумную идею. – Пауки станут скользить по льду и не смогут взобраться наверх.

– А где я возьму столько воды? Да и заморозить всю скалу у меня не хватит энергии.

– Тогда будем сражаться глефами, – предложил я самый очевидный вариант.

– Мы слишком устали для продолжительного боя, – возразила Ирума. – Нас сомнут практически сразу же, как только первые арахны достигнут вершины скалы.

– Если нам всё равно умирать, так давай хотя бы заберём с собой как можно больше этих мерзких созданий! – предложил я.

– У меня имеется вариант получше, – пробормотала девушка.

– Какой? – тут же поинтересовался я.

– Погоди, не мешай, дай мне подумать, – остудила меня Ирума. – Сама не знаю, получится или нет, но, видимо, это наш последний шанс.

Мне сильно, до дрожи в крепко сжавших забрызганное бурой слизью древко руках, захотелось узнать, что же задумала моя спутница, но я боялся помешать ей даже одним не вовремя сказанным словом – ведь от этого сейчас зависела наша жизнь...

Пока я находился в нерешительности, не зная, что мне делать дальше, Ирума, закрыв глаза и вытянув полусогнутые в локтях руки вперёд, перебирала пальцами невидимые нити струящихся вокруг неё энергетических потоков и чуть слышно бормотала что-то себе под нос. Мне удавалось разобрать лишь отрывочные фразы:

– Привяжем две Иссы к Эвас... Энергетические каналы по количеству узлов, скрепляем связку в узловых точках... Не хватает энергии... Эрх... Добавим ещё одну Эрх... Три руны Гебо, получаем расширяющееся кольцо... Нет, трёх не хватит, нужно семь... Семь не удержат, связка, ещё связка... Гебо тоже не держит, вставим Йера, закрепляем... Есть устойчивое кольцо... Добавляем тепло... Нет, тепло не подходит, нужен антагонист, пробуем холод... И холод не держит связку... Тогда берём чистую энергию... Нет, две руны Эрх у нас уже есть, узловыe точки заняты, поэтому строим каналы от Эрх к Гебо... Есть, получилось! Теперь добавляем жизнь... Хмм... Одной жизни мало, включаем четыре – по количеству реперных точек... Теперь инверсия... Одной руны Хагал тоже недостаточно, ставим три – во все свободные узловыe точки, и запитываем их энергией от обеих Эрх... Нет, не то – конструкт статичен, нужно движение... Ускоренное движение... Приращение... Ещё одно приращение... Есть!!!

Ирума, открыв глаза, смахнула со лба бисеринки выступившего пота и, зловеще улыбувшись, сказала, обращаясь ко мне:

– Сейчас мы попробуем применить мой путь к спасению!

– Ты сейчас плела заклинание? – догадался я.

– Совершенно верно! – удовлетворённо призналась девушка.

– Но ведь на арахнидов не действует магия!

– О, эта подействует! – с некоторым злорадством ухмыльнулась Ирума, и, опять закрыв глаза, принялась что-то быстро перед собой вырисовывать. Я вспомнил, что перед боем с арахнидами, не владея боевыми заклинаниями, временно убрал из поступающего по главному нерву в мозг видеопотока отвлекающий меня магический спектральный диапазон, и поспешно вернул его обратно. Перестроенное зрение явило мне необычайной сложности разноцветную плотную объёмную вязь незнакомых рун, пылающих перед девушкой.

– А теперь руна Хаос! – торжественно провозгласила Ирума, и в центре висящего в воздухе плетения зажглась багровая паутина руны третьего уровня, тут же соединившаяся с уже активированным конструктом десятками разноцветных узлов. Энергетические каналы пронзили ажурную конструкцию из переплетённых силовых нитей, и в налившийся ярким светом конструкт нескончаемым потоком устремилась изливающаяся из девушки энергия.

Я, прожив на этой планете достаточно долго, уже привык к магии и больше не воспринимаю её как нечто фантастическое, из области бабушкиных сказок – сложно игнорировать то, что постоянно тебя окружает и чем свободно пользуется каждый местный житель. Я смирился с существованием магии и стал равнодушен к её проявлениям. Более того – я сам с недавних пор стал магом и даже освоил несколько простейших плетений, основанных на рунах первого уровня. Но то, что я сейчас своими глазами наблюдаю плетение заклинания третьего порядка, кажется мне чем-то из области той самой фантастики – конструкты подобной сложности, по рассказам самой Ирумы, доступны лишь архимагам, да и то после нескольких сотен лет упорного труда. Я даже не заметил, как раскрыл от удивления рот...

Тем временем моя спутница, напивав своё плетение энергией, резко тряхнула ладонями, как будто сбрасывая вниз застывшие на кончиках пальцев капли воды. Вполне логичное движение – сплести конструкт такой умопомрачительной сложности, машинально примешься помогать руками не только плетению, но и активации. Однако подобные мысли, промелькнув в моей голове, тут же исчезли, вытесненные открывшимся передо мной зрелищем – с вершины нашего утёса вниз устремилась волна то ли лёгкого серого тумана, то ли дрожащего воздуха. Скорее всего, это падающее вниз и стремительно расширяющееся блёкло-серое марево не являлась ни тем, ни другим, а сутью своей отражало используемую в плетении руну Хаоса. Эта волна

поглощала на своём пути всё – и траву, и спрятавшихся в ней арахнидов. Даже краски дня блекли под её всесокрушающей поступью. Уши звенящей липкой патокой заполнила тишина – окружающие меня звуки полностью исчезли, как будто съеденные тем же заклинанием. В груди родилось ощущение заполняющего меня ледящего холода, промораживающего тело до позвоночника, и это иррациональное чувство вызвало во мне первозданный животный ужас. Признаться, в тот момент я едва не закричал от страха. А был бы полон мочевой пузырь – мог бы и оконфузиться... Спасло меня то, что отголоски применённого Ирумой заклинания воздействовали на мои органы чувств всего несколько мгновений, оставив после себя лишь чувство облегчения от того, что остался жив, и это чувство наполнило мою грудь неописуемым восторгом. Подумать только – как мало нужно человеку для счастья! Всего лишь заглянуть в глаза смерти и увидеть, как она, полыхая багровыми провалами пустых глазниц, протянет к тебе костлявую руку, и вдруг неожиданно передумает, решив дать тебе пожить ещё... Осознав эту простую истину, я, чувствуя себя начинающим философом, облегчённо вздохнул и, свесившись над краем обрыва, стал рассматривать открывшийся передо мной безрадостный пейзаж.

За несколько ударов сердца докатившись до леса, волна прокатилась и по нему, оставляя после себя лишь ровную серую пустынную поверхность. Не знаю, дотянулась бы эта волна до горизонта, но, видимо, вложенной в конструкт энергии оказалось недостаточно для подобных разрушений, и волна полного уничтожения постепенно затухла примерно в полутора километрах от нас. Оглядевшись по сторонам, я заметил, что скала, на вершине которой мы находимся, стоит в самом центре абсолютно ровного круга, внутри которого не осталось абсолютно ничего – ни травы, ни кустов, ни деревьев, ни арахнидов. Даже камней не осталось – один только светло-серый пепел, ровным слоем покрывавший сухую безжизненную землю.

– Что за плетение ты применила? – осторожно спросил я, осматривая последствия применённого Ирумой заклинания.

– Кольцо праха, – как-то заторможено ответила девушка.

– Откуда ты знаешь это заклинание? – переспросил я, уже догадываясь о том, что мне сейчас скажет Ирума.

– Я его и не знала... Знания о принципах его плетения как-то сами собой стали появляться в моей голове... А руну Хаос, как ты уже знаешь, мне подарила богиня. Я попробовала сплести заклинание на основе только что обрётённых знаний, и после нескольких попыток мне это удалось.

– Но удалось не сразу?

– Да, сначала у меня не получалось... Я же никогда ранее не создавала этот конструкт, и методы его плетения мне незнакомы. Но пока я пыталась его сплести, мне всё время казалось, будто кто-то невидимый за моей спиной внимательно наблюдает за моими попытками и подсказывает правильное решение. Я думаю... Нет, я уверена – мне помогала сама богиня!

– Да хоть сам император! – с облегчением выдал я. – Главное, что мы избавились от погони и можем продолжить движение.

Больше не задерживаясь на выручившей нас скале, мы, собрав вещи и используя для спуска верёвку, покинули гостеприимный утёс. За время спуска мы несколько раз чуть не свалились вниз – дрожащие от усталости руки отказывались держать верёвку, и, если бы не предусмотрительно сделанная страховка, продолжать путешествие стало бы уже некому.

Спустившись на землю, я тут же по щиколотку провалился в серый невесомый пепел. Заклинание, похоже, уничтожило даже верхний слой почвы, оставив после себя лишь мельчайшую пыль. Сориентировавшись по солнцу, мы, едва переставляя ноги, поплелись на запад, к едва видневшимся в сизой дымке горам, оставляя за собой висящее в воздухе серое пыльное облако, медленно сносимое в сторону лёгким ветерком. Из последних сил, развив крейсерскую

скорость испуганных черепах, мы побрели прочь, стремясь как можно дальше уйти от сотворённого Ирумой кладбища, на котором упокоились десятки, если не сотни тысяч арахнидов.

На то, чтобы достигнуть неповреждённого заклиниванием леса, нам понадобилось почти полчаса. Углубившись в затихшую от осознания только что случившегося катаклизма лесную чащу на пару сотен шагов, мы, даже не осмотревшись по сторонам и не убедившись в собственной безопасности, повалились на землю под одним из деревьев. Перевернувшись на бок, я, даже не доставая из рюкзака походного одеяла, свободной рукой прижал к себе обессиленную Ируму, закрыл глаза и провалился в глубокий сон без сновидений, больше похожий на обморок. О защите никто из нас не позаботился – если бы поблизости оказался хотя бы один выживший арахнид, эта ночёвка оказалась бы последней в нашей жизни. Однако обошлось без происшествий – видимо, боги всё же существуют, и приглядывают изредка за своими поклонниками...

Проснулся я глубокой ночью от сильной жажды и столь же сильного голода. Моя глефа валялась в стороне, как и рюкзак – я даже не помнил, как я его снял. Ирума, прижавшись ко мне, спала глубоким тревожным сном, периодически вздрагивая и что-то быстро неразборчиво бормоча – видимо, ещё раз переживала во сне наш последний бой. Стараясь не разбудить девушку, я осторожно попытался встать, но даже такое простое движение оказалось мне не под силу – едва приподнявшись, я тут же рухнул обратно, на землю, от слабости в затёкших от долгого лежания на сырой земле мышцах и внезапно закружившейся головы. Вдобавок, вставая, я почувствовал сильный озноб – похоже, у меня поднялась температура. Грудь тяжело вздымалась – моему организму явно не хватало воздуха. Немного отлежавшись, я все же решился разбудить Ируму – мне с каждым мгновением становилось всё хуже и хуже.

Проснувшись, моя спутница быстро разобралась в моих проблемах и, наскоро сформировав лечебный конструкт, применила его на мне. Пока лечебное плетение действовало, девушка, узнав, что больше всего сейчас мне, несмотря на охвативший моё тело жар, хочется есть и пить, достала из рюкзака единственную нашу фляжку, разумеется, пустую – последнюю воду мы с ней выпили как раз перед боем, и сформировала над ней достаточно сложное плетение, которое, слегка вспыхнув перед моими настроившимися на магическое зрение глазами, принялось понемногу собирать, конденсируя, из окружающего пространства воду. Полезное плетение, надо бы и самому научиться такому – не всегда удаётся найти в лесу воду, а в пустыне, например, этому заклиниванию вообще цены нет. Однако Ирума разочаровала меня, сказав, что конструкт потребляет слишком много энергии и эффективен лишь тогда, когда в атмосфере достаточно много влаги, что возможно лишь при положительных температурах и желательно в местности подобной той, где мы сейчас находимся. То есть в лесу. А в лесу и без магии достаточно легко найти воду. Жаль, а я уже рассчитывал на независимое автономное водоснабжение собственного организма в любой местности, где мне придётся когда-нибудь очутиться.

Наполнив флягу почти доверху, на что у моей спутницы ушло минут двадцать, она дала мне напиться, после чего, когда я вернул ей опустевшую флягу, достала наши скудные запасы мяса и накормила меня. Пока я утолял голод, Ирума опять запустила собирающий воду конструкт, наполнив флягу примерно наполовину и, не в силах терпеть, развеяла плетение и выпила собранную влагу. Утолив жажду, девушка присоединилась ко мне в деле уничтожения продовольственных запасов.

Умяв больше половины оставшегося у нас мяса, мы опять устроились на отдых под полюбившимся нам деревом, на этот раз, правда, достав из рюкзака одеяло и постелив его на землю. Меня после выпитого и съеденного потянуло в сон, да и слабость почему-то никуда не делась, поэтому Ирума, накинув на меня ещё одно лечебное плетение, легла рядом, прижавшись ко мне и положив руку на мою грудь. Кажется, она ещё и ногу на меня закинула, но это движение я уже почти не ощущал, провалившись в тяжёлый тревожный сон.

Я очнулся от забытья и открыл слипшиеся от засохшего пота глаза, когда полуденное солнце било мне прямо в лицо – густая раскидистая крона дерева, под которым я лежал, не сильно защищала от прямых лучей жаркого летнего светила. Прислушавшись к своим ощущениям, я определил, что жар немного спал, однако общее состояние моего организма оценивалось мною как крайне паршивое. Я бы даже сказал – несовместимое с дальнейшей жизнедеятельностью моего многострадального организма. Вероятно, будь я сейчас в империи и попади в ласковые руки Камэни, они прописали бы мне реанимацию. Но знаменитых на всю империю медиков я поблизости не наблюдал, поэтому на вопрос о самочувствии, заданный подошедшей ко мне Ирумой, с трудом прохрипел:

– Пока жив, но в дальнейшем – не уверен...

– Мне сегодня ночью приснился ещё один лечебный конструкт, – с сомнением в голосе произнесла Ирума. – Если желаешь, могу опробовать на тебе.

– Ты уверена, что это хорошая идея? – переспросил я. – И откуда ты знаешь, что приснившееся тебе плетение точно лечебное?

– Во сне я была твёрдо уверена, что плетение поможет тебе избавиться от попавшего в твой организм яда арахнидов.

– Так заклинание лечебное или предназначено только в качестве противоядия? – решил уточнить я.

– Я не знаю... – пробормотала девушка, – но теперь мне кажется, что заклинание целенаправленно воздействует именно на яд.

– То есть оно выводит яд из организма?

– Не совсем так... Оно не уничтожает сам яд, а лишь устраняет последствия его воздействия на организм. Яд арахнидов, впрыснутый в больших дозах, разлагает биомассу и делает её пригодной для питания пауков, а в малых обладает сильными мутагенными свойствами, действуя одновременно как катализатор протекающих в организме химических процессов – так, по крайней мере, я считала во сне. Данная информация полностью совпадает с первоначально полученными данными от медицинского плетения-диагноста.

– Хорошо, действуй! – решился я. – Всё равно хуже уже не будет, так что даю разрешение испытать приснившийся конструкт на мне. Но если убьёшь – спать с тобой больше не буду!

Вымученно улыбнувшись незамысловатой шутке, Ирума наложила на меня экспериментальный конструкт, сразу же, как только тот внедрился в мою ауру, с интересом принявшись меня разглядывать.

– Ну и как? Действует? – спросил я Ируму, закончившую меня рассматривать.

– Похоже, да, – ответила девушка, – но пока сложно сказать что-то определённое – прошло слишком мало времени. Попытайся поспать, а я пока приготовлю нам ужин.

– А ты что, успела сходить на охоту? – спросил я.

– Успела, – как-то задумчиво ответила Ирума. – И даже больше...

– Ты что-то недоговариваешь, – сказал я, почувствовав некоторое смущение и недосказанность в ответе своей спутницы.

– Потом, всё потом, – сказала девушка. – Лежи, выздоравливай. Теперь я знаю, что ты поправишься.

– И откуда такая уверенность? – поинтересовался я, почувствовав, что плетение начало действовать, озноб и испарина потихоньку отступают, а я опять проваливаюсь в целительный сон.

– Богиня дала знак.

– Какой знак? – спросил я, уже засыпая.

– Спи, после покажу...

Проснулся я утром здоровым, полностью отдохнувшим и страшно, до сведённого спазмами желудка, голодным. Не знаю, догадывалась ли Ирума о моём состоянии, но меня уже поджидала наполненная водой фляжка и несколько исходящих соком хорошо прожаренных кусков мяса. Утолив голод, я сообщил подошедшей девушке, что чувствую себя отлично и готов продолжить путешествие.

Молча кивнув головой в знак согласия, Ирума закинула за спину лук, закрепила на рюкзаке – тул она потеряла при схватке с арахнидами – две спешно изготовленные новенькие стрелы, на изготовление которых пошли оба запасных наконечника, и, подхватив глефу, дождалась, пока я двинусь вслед за ней, предварительно подняв с земли оружие и рюкзак. Пошла моя спутница не на запад, а почти строго на север, на мой удивлённый вопрос лишь загадочно ответив:

– Сейчас сам увидишь.

Увидел я то, что хотела мне показать Ирума, буквально через несколько минут ходьбы – на пропитанной влагой мягкой лесной почве, окружавшей бывший из-под корней одиноко стоящего густого дерева и теряющийся в густой траве в десяти шагах от истока едва заметный родничок, виднелся глубокий отпечаток исполинской кошачьей лапы. Габариты самого зверя я даже побоялся себе представить – исходя из размеров отпечатка, хищник должен быть намного крупнее любого встреченного мною в этом мире зверя. Даже убитый мною илгобрюх оставлял гораздо более скромные отпечатки. И если мои подозрения справедливы, то этому таинственному хищнику мы на один укус – даже магия Ирумы нас не спасёт. Мне, кстати, о наличии подобных монстров в списках местной фауны никто не говорил. Этот логичный вопрос я и задал своей спутнице.

– Это не зверь. Богиня... – благоговейно прошептала Ирума.

Воистину, божественные размеры – с чем я тут же согласился, спросив, что нам теперь делать.

– Продолжим движение, – как ни в чём ни бывало, ответила Ирума. – Мы теперь под присмотром богини. Она не даст нам погибнуть.

– Ты уверена? – переспросил я.

– Я надеюсь... – сомнение всё-таки прозвучало в ответе девушки.

И мы продолжили путешествие – теперь почти строго на запад. Арахниды нам больше не встречались.

Предгорий мы достигли через девять дней монотонного путешествия. Приключения нас больше не находили, и слава богам – без них скучно, зато спокойно и для здоровья полезнее. Как-то незаметно густой лес исчез, сменившись частыми рощами, перемежаемыми обширными, заросшими густой луговой травой полянами, на которых находила себе пропитание многочисленная лесная живность, начиная от кроликов, и заканчивая круторогими оленями. В еде мы недостатка не испытывали, и на столе у нас постоянно находилось свежепожаренное мясо. Для единственной пары имеющих у нас стрел Ирума временно соорудила нечто наподобие кожаного тула взамен утерянного. Качество стрел оставляло желать лучшего, но для успешной охоты его вполне хватало.

Каждое утро Ирума, запустив медицинский конструкт, тщательно осматривала меня на предмет последствий от попадания в кровь яда арахнидов и, хмурясь, ничего не находила, в недоумении морща лоб. И ей было чему удивляться – яд, подобно солям тяжёлых металлов, никуда не исчез и до сих пор оставался в моём организме, сосредоточившись преимущественно в костях, но приснившееся ей плетение действительно останавливало мутагенное воз-

действие яда, купировав чужеродное вещество. Однако с каждым новым днём моё настроение потихоньку повышалось – инородная зараза в моём организме никак себя не проявляла, сдерживаемая постоянно обновляемым магическим плетением, а, попав в столицу, я намеревался отыскать хорошего лекаря и полностью избавиться от мутагена.

Предгорья встретили нас свежим, прохладным воздухом и утренними туманами – начало сказываться разрежение воздуха при подъёме на высоту. Мы спокойно шли к намеченной цели, и нашему движению ничто не препятствовало. Чтобы разнообразить монотонность путешествия, я стал особое внимание уделять изменениям в местном ландшафте и окружающем меня растительном и животном мире. И если изменение флоры было весьма предсказуемым – густые смешанные леса равнинной части континента сменялись обширными луговыми пространствами и низкорослыми лиственными и хвойными рощицами, хорошо приспособленными для роста на скудных каменистых почвах, то местная фауна менялась значительно сильнее. Различного рода грызунов и мелких травоядных животных стало встречаться неизмеримо больше, а вот основным контингентом хищников, неожиданно для меня, оказались птицы – четвероногих поклонников мясной диеты мне за это время почти не встретилось, а те, что иногда попадались на глаза, своими размерами не дотягивали до уже привычных лесных хищников.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.